
Voennyi



Sbornik

Has been issued since 1858.
ISSN 2309-6322. E-ISSN 2409-1707
2014. Vol.(6). № 4. Issued 4 times a year

EDITORIAL STAFF

Dr. Cherkasov Aleksandr – Sochi State University, Sochi, Russia (Editor-in-Chief)
PhD Ivantsov Vladimir – Sochi State University, Sochi, Russia
PhD Mamadaliyev Anvar – Sochi State University, Sochi, Russia
PhD Sorokin Aleksandr – Tomsk State University, Tomsk, Russia

EDITORIAL BOARD

Anca Alejandro – Ministry of Defence of Spain, Spain
Crawford Kent – Gunnery Fire Control Group, USA
Krinko Evgenii – Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia
Myagkov Mikhail – Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Rzheshevskii Oleg – Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Sarychev Gennadii – Moscow Department of the Russian Ministry of Interior, Moscow, Russia
Sergeev Evgenii – Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Senyavskaya Elena – Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Šmigel' Michal – Matej Bel University, Banská Bystrica, Slovakia

The journal is registered by Federal Service for Supervision of Mass Media, Communications and Protection of Cultural Heritage (Russia). Registration Certificate ПИ № ФС 77 - 55398 or 17.09.2013.

Journal is indexed by: **CiteFactor** (USA), **CrossRef** (UK), **Electronic scientific library** (Russia), **Global Impact Factor** (Australia), **Open Academic Journals Index** (Russia), **Sherpa Romeo** (Spain), **ULRICH's WEB** (USA), **Universal Impact Factor** (Australia).

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Postal Address: 26/2 Konstitucii, Office 6
354000 Sochi, Russian Federation

Website: <http://ejournal6.com/>
E-mail: sochio03@rambler.ru

Founder and Editor: Academic Publishing
House *Researcher*

Passed for printing 16.12.14.

Format 21 × 29,7/4.

Enamel-paper. Print screen.

Headset Georgia.

Ych. Izd. l. 4,5. Ysl. pech. l. 4,2.

Circulation 500 copies. Order № 6.

Voennyi Sbornik

2014

№

4



Издается с 1858 г. ISSN 2309-6322. E-ISSN 2409-1707
2014. № 4 (6). Выходит 4 раза в год.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Черкасов Александр – Сочинский государственный университет, Сочи, Россия
(Гл. редактор)
Иванцов Владимир – Сочинский государственный университет, Сочи, Россия
Мамадалиев Анвар – Сочинский государственный университет, Сочи, Россия
Сорокин Александр – Томский государственный университет, Томск, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Анка Алехандро – Министерство обороны Испании, Испания
Крауфорд Кент – Группа управления артиллерийским огнем, США
Кринко Евгений – Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Россия
Мягков Михаил – Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия
Ржешевский Олег – Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия
Сарычев Геннадий – ГУ МВД России по г. Москве, Москва, Россия
Сенявская Елена – Институт российской истории РАН, Москва, Россия
Сергеев Евгений – Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия
Шмигель Михал – Университет Матей Бэла, Банска Быстрица, Словакия

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (Российская Федерация). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77 - 55398 от 17.09.2013 г.

Журнал индексируется в: **CiteFactor** (США), **CrossRef** (Соединенное королевство), **Global Impact Factor** (Австралия), **Научная электронная библиотека** (Россия), **Open Academic Journals Index** (Россия), **Sherpa Romeo** (Испания), **ULRICH's WEB** (США), **Universal Impact Factor** (Австралия).

Статьи, поступившие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: 354000, Россия, г. Сочи,
ул. Конституции, д. 26/2, оф. 6
Сайт журнала: <http://ejournal6.com/>
E-mail: sochio03@rambler.ru

Подписано в печать 16.12.14.
Формат 21 × 29,7/4.
Бумага офсетная.
Печать трафаретная.
Гарнитура Georgia.
Уч.-изд. л. 4,5. Усл. печ. л. 4,2.
Тираж 500 экз. Заказ № 6.

Учредитель и издатель: ООО «Научный
издательский дом "Исследователь"» -
Academic Publishing House *Researcher*

© Voennyi Sbornik, 2014

2014

№ 4



C O N T E N T S

Articles and Statements

Yuri F. Katorin The Battle of Isandlwana (The Price of Quartermaster Formalism)	196
Nugzar K. Ter-Oganov Letters from Officer/Orientalist K.N. Smirnov from the Caucasian Front as a Source for the Study of the Military/Political Situation in Turkey and Iran in 1914–1917	209
Nicholas W. Mitiukov The Spanish Mercantile Fleet and the “Council of Captured Ships”	236
Elmira B. Alieva The Making and Development of the Soviet-Issue Local Air Defense System during the Period of Interwar Five-Year Plans: A Case Study of the Donbas Region	241
Andrey A. Vagin From the Life of Mountain Riflemen (The Experience of World War II)	253

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*



Published in the Russian Federation
Voennyi Sbornik
Has been issued since 1858.
ISSN: 2309-6322
Vol. 6, No. 4, pp. 196-208, 2014

DOI: 10.13187/issn.2309-6322
www.ejournal6.com



Articles and Statements

UDC 94(680)

The Battle of Isandlwana (The Price of Quartermaster Formalism)

Yuri F. Katorin

State University of sea and river fleet named after Admiral S.o. Makarov, Russian Federation
198035, Sankt-Peterburg, Dvinskay street, 5/7
Dr. (Military), Professor
E-mail: katorin@ mail.ru

Abstract

This article recounts one of the episodes of the Anglo-Zulu War of 1879, the Battle of Isandlwana (January 22, 1879). The author reconstructs the picture of the battle and elaborates on the circumstances of the Zulu attack on the English camp at Isandlwana. The article analyzes the structure, manning, training, and combat capabilities of the Zulu army. The author puts forth his own version of why the English sustained such heavy personnel losses and suffered a complete debacle, which was not quite typical of the Victorian colonial wars. The article analyzes shortcomings in the system of supplying English soldiers with bullets on the battlefield.

Keywords: Zulu army; Anglo-Zulu War of 1879; Battle of Isandlwana; Shaka; Cetshwayo; Dabulamanzi; Brevet Lieutenant Colonel Henry Pulleine; supply; bullets; Martini-Henry rifles.

В военной истории можно найти много примеров, когда воровство или халатность интендантов приводила к проигрышу не только отдельных сражений, но и целых войн. Однако в конце XIX века произошел поистине уникальный случай, когда в ходе «Зулусских войн» британские интенданты обеспечили тяжелое поражение своей армии... излишней старательностью. За это их руководитель был отдан под суд, признан некомпетентным начальником, лишен чинов и наград и с позором уволен в отставку со службы.

В колониальных войнах XIX века, которые проходили при колоссальном военном и техническом превосходстве одной из сторон, победа почти всегда была за европейцами. Вместе с тем, это не была и «легкая прогулка» по экзотическим странам, населенным дикарями, как это изображено в некоторых источниках. Отнюдь не леса и болота, а сопротивление сильных, хорошо организованных государств, в течение двух столетий препятствовало полному покорению всего мира «белым человеком». Ярким примером такого отпора были так называемые зулусские войны.



Рис. 1. Вождь Чака, создатель зулусской армии

Государство зулусов было еще молодо: начало объединения племен положил Дингисвайо (Dingiswayo; 1780?–1818) – вождь небольшого племени умтетва. Некоторое время он жил в Капской колонии и наблюдал бесплодную борьбу мелких и разрозненных племен коса против английской колониальной армии. [1] Очевидно, что именно на основе этих наблюдений он пришел к выводу о необходимости объединения всех зулусских племен и создания военной организации, способной противостоять английским захватчикам. В 1818 (по некоторым данным в 1817) году он был убит, и его место занял один из его помощников – Чака (Shaka; 1787?–1828), который заслуженно признан, пожалуй, самым ярким полководцем Черной Африки и завершил объединение племен. [2,3]

Наибольшего могущества зулусы достигли при вожде Кетчвайо (Cetshwayo; 1828–1884) – одного из сыновей Мнанда (Mpande; 1798–1872), внучатого племянника Чака, который вновь возродил строгую централизацию власти. Ибо Мнанда сильно смягчил жестокие порядки, введенные Чака. Помимо традиционного холодного оружия Кетчвайо вооружил часть своих воинов ружьями, купленными у европейцев. Огнестрельное оружие в небольших количествах ввозилось контрабандным путем через границу с Наталем или открыто импортировалось через находившийся севернее португальский Мозамбик. Мало того, он даже сумел построить (с помощью португальцев) пороховой и патронный завод. Делались и попытки создать кавалерию. [4]



Рис. 2. Вождь зулусов Кетчвайо (фото 1875 г.)

Военная организация осталась почти такой, как ее установил Чака. Все войско зулусов насчитывало примерно сорок тысяч воинов и состояло из двух армий (iMpi), которыми командовали братья Кетчвайо – Дабуламанци (Dabulamanzi; 1839–1886) и Сирайо (Sirayo; 1837–1884). Армии, в свою очередь, были разделены на полки (iButho) численностью от пятисот до двух тысяч человек. Причем каждый полк имел щиты и султаны определенного цвета и состоял из воинов одного возраста, начиная с пятнадцатилетнего. Каждый воин

имел короткое крепкое ударное копьё, которым он действовал как штыком, и обязан был предъявить его по окончании боя. [2]

Применялась такая тактика – воины были соединены в одну фалангу. Сомкнутым строем, прикрываясь своими щитами и выставив вперед копьё, зулусы принимали на себя град стрел и дротиков противника, а затем плотными рядами бросались в наступление. Центр составлял главные атакующие силы. Справа и слева выделялись отряды для обхода противника с флангов и тыла. Дав время фланговым отрядам продвинуться вперед, основной атакующий отряд начинал наступление сначала шагом, затем постепенно ускорял темп, а бросаясь в атаку переходил на бег. Тем временем отряды, выделенные для обхода, ударили по флангам и с тыла. Если атака была отбита, воины отходили на исходное положение с выдвинутыми флангами. Командиры шли впереди своих воинов, поощряя, увлекая их своим примером, а старшие командиры наблюдали за боем с какой-либо возвышенности. [2, 5]

Ясно, что так действовать могла только хорошо обученная и организованная армия. Поэтому Чака создал некоторое подобие регулярных войск. Прежде всего, он выделил всю боеспособную часть мужского населения из подчинения племенных вождей. Военные отряды были поселены в особые краали, называемые по зулуски эканда. Каждый крааль представлял собой поселение одного полка (ибутао), насчитывающего шестьсот – тысячу воинов. Во главе эканды стоял инкоси (полковник). Женщины и дети в крааль не допускались, а воинам строго запрещалось жениться до 40 лет, лишь особо отличившиеся юноши получали на это разрешение. Все молодые девушки объединялись в женские амабуту, которые выполняли главным образом хозяйственные функции. Внебрачные связи между представителями мужских и женских «полков», если на то не было особого распоряжения вождя, карались смертью. По достижении 40 лет воины выходили из эканды, возвращались в свое племя и обзаводились семьями. [3, 6]



Рис. 3. Зулусский воин в парадном одеянии

Комплектование полка шло следующим образом. Когда юноша достигал 18 лет, отец подбирал ему подходящий военный крааль. Неся на голове мешок кукурузы, юноша уходил в большой мир. Жилье ему было обеспечено. Время от времени сестры навещали его, пополняя запасы пищи. Когда начальство видело, что во всех военных краалях набралось достаточно 18-летних юношей, что бы сформировать новый полк, от имени верховного вождя отдавался приказ собрать их всех вместе. Новый ибутао получал свое название,

указание о соответствующих украшениях на одежде и теле, цвете щитов и султанов. Подходящее лицо из числа знати назначалось «полковником», а он уже сам избирал из числа молодежи командиров рот (около 100 воинов) и взводов. Первым делом нового полка было выстроить себе крааль. После четырех–шести месяцев обучения юношей отпускали домой, но они были обязаны ежегодно проходить повторное обучение. Впрочем, учебные сборы проходили и опытные воины. В краале всегда оставался достаточно многочисленный гарнизон, чтобы обрабатывать поля, рубить лес, чинить хижины и т.д. Воины сами заботились о своем пропитании и не получали никакого жалования и довольствия. Отправляясь в дальний поход, зулусский воин нес с собой в кожаном мешке крайне скудный поек, которого могло хватить только на несколько дней. Армию сопровождали молодые женщины и мальчишки, гнавшие скот и несшие на себе остальное продовольствие. Перед началом боя этот своеобразный «обоз» оставался в укрытии, а войска разворачивались в боевой порядок. О вьючных волах зулусы не имели никакого понятия, не научились они пользоваться ими и от европейцев. [3, 7]



Рис. 4. Зулусы в военном краале

Войско было спаяно дисциплиной более суровой, чем дисциплина римских легионеров, любое нарушение ее каралось смертью. Воины великолепно выполняли боевые маневры, и враги бежали, услышав боевой клич несущихся неудержимой лавиной зулусских воинов. Чтобы оценить уровень боевой подготовки зулусов обратимся к описанию маневров зулусского войска, данных их очевидцем. [8]

«На другой день нам объявили, что Кетчвайо в честь своих гостей устраивает маневры. Армия двинулась на север от Улунди (Ulundi, столица зулусов). Отойдя на несколько миль, мы остановились на ночевку, а наутро возобновили продвижение на север. На третий день пути достигли места предназначенного для маневров. Это была обширная равнина с высоким холмом, возвышающимся в ее центре. На него взошел Кетчвайо со своими гостями и приближенными. Количество сосредоточенных здесь войск достигало двадцати тысяч. Вначале свое искусство показали воины армии Сирайо, вооруженные холодным оружием. Полки строились, маршировали и двигались по всем правилам военного искусства, брали штурмом намеченные пункты. Наступление велось сомкнутым строем полков, при этом центр наступал не слишком быстро, а оба фланга стремительным движением охватывали фланги противника дугою, которая затем стягивалась. Желая показать гостям быстроту

перемещения зулусских воинов, Кетчвайо предложил им сесть на коней и сопровождать один полк, которому было приказано пройти беглым шагом взад и вперед по равнине.



Рис. 5а, 5б. Зулусские войны с различным вооружением

Мы сели на коней, воины, вооруженные тяжелыми щитами, ассагаями и пиками, двинулись. Лошадям сразу пришлось взять с места галопом. Солнце жгло немилосердно, красные перья на головах зулусов развевались по ветру, а полк ровным шагом будто катился у подножия холма. Лошади фыркали от жары и едва поспевали за пешими воинами, а те не выказывали никаких признаков усталости, словно это были машины, а не живые люди. Даже дыхание их нисколько не участилось. Когда по истечению часа непрерывной бешеной маршировки полк в образцовом порядке остановился против стоянки вождя, Кетчвайо, в ответ на высказанное нами изумление, с гордостью заметил: «Мои войны могут безостановочно идти целый день и целую ночь». После этого зулусы показали свое искусство в метании ассагаев, попадая в небольшую цель с расстояния в сорок шагов. Кетчвайо при этом объяснил, что во время боя воины сперва кидают во врага легкие ассагаи, а затем, взяв тяжелую пику, сходятся с противником грудь в грудь и либо побеждают, либо гибнут, но никогда не отступают.

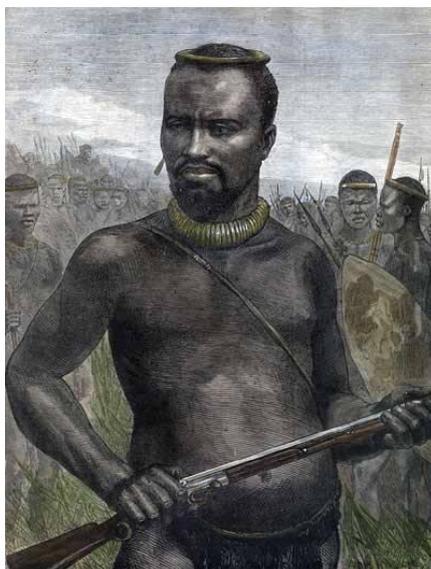


Рис. 6. Дабуламанци (Illustrated London News, 1879)

Вооружение армии Дабуламанци приближалось уже к европейскому: кроме обычных щитов и копий в руках воинов были и ружья. Однако маневры прошли не так гладко, как у младшего брата. Пока упражнения происходили с холодным оружием, воины двигались, как машины, как огромный стройный механизм. Но с применением огнестрельного оружия вышла заминка: для зулусов это было явно непривычным делом».

Вскоре на юге Африки «густо запахло» золотом и алмазами, что не могла не заинтересовать англичан. Кроме того, наличие столь грозного соседа, какими виделись зулусы, являлось постоянным раздражающим фактором для колонистов и властей Натала, которые испытывали страх перед огромной, в десятки раз превосходившей их по численности массой африканского населения. Узнав о том, что британцы готовят войска, чтобы обрушиться на земли зулусов, Кетчвайо послал им предложение заключить дружеский союз. Ответ английского генерал-губернатора Кейпланда, сэра Бэртля Фрера (Sir Henry Bartle Edwards, 1st Baronet Frege; 1815–1884) прибывший 11 декабря 1878 года, был отрицательным, мало того, в нем содержались требования распустить вооруженные силы и принять английского резидента, который бы осуществлял надзор за управлением страной. Стало ясно, что скорая война неизбежна. [9, 10]



Рис. 7. Сэр Бэртль Х. Фрер – формальный виновник начала войны

Война началась через месяц с того, что английские войска перешли реку Буффало, взяли штурмом и сожгли крааль Сирайо, брата вождя Кетчвайо. После этого британские силы вторжения поставили свои лагерные палатки у подножия скалистой горы Исандулы, оставив для его охраны часть своих сил. Ибо обоз из запряженных быками телег, которые требовали твердых дорог, сильно замедлил передвижение войск. Солдаты заняли низину среди группы невысоких холмов, составлявших ее предгорье. Поблизости от палаток находился большой обоз. Быки были привязаны к повозкам, а лошади – к коновязям. В состав отряда входила пехота и кавалерия, в небольшом количестве имелась и артиллерия – две семифунтовые (76-мм) пушки и два орудия для метания зажигательных ракет системы Конгрива. Кроме примерно восьмисот английских солдат (шесть рот 24-го полка) и небольшого подразделения буров-наемников, в отряде было более тысячи черных пехотинцев и кавалеристов: натальские зулусы, басуто, свази – представители уже покоренных племен, поданные Англии. [6, 11]



Рис. 8. Подполковник Генри Пуллейн

В лагере было оставлено соединение под командованием подполковника Генри Пуллейна (Henry Burmester Pulleyn; 1838–1879). Пуллейн был администратором, не имевшим опыта боевого командования. Именно по этой причине на него и оставили громоздкий лагерь со всеми запасами, повозками и снаряжением, не предполагая, что буквально через сутки Пуллейну придется выступить в роли боевого генерала. Британцы не стали окапываться и строить инженерные укрепления, даже не был отдан приказ окружить лагерь повозками, поскольку была уверенность, что превосходство в организации, дисциплине и вооружении позволит и так отразить нападение зулусов. Британские войска к тому времени накопили большой опыт в войнах с различными племенными формированиями, особенно в Индии. Это породило своего рода эйфорию и убеждение, что маленькая, но хорошо вооруженная и прекрасно вымуштрованная британская армия всегда одержит верх над «ордами» колонизируемых народов любой численности. Примерно в 10.30 в лагерь прибыл подполковник Энтони Дёрнфорд (Anthony William Durnford; 1830–1879) с пятью отрядами туземных кавалеристов Натальского корпуса (Natal Native Pioneer Corps). Это вызвало споры о субординации, так как Дёрнфорд был старше по производству в чин и по идее должен был принять командование, однако он не стал менять планов Пуллейна, только усилил аванпосты. [11, 12]



Рис. 9. Солдаты 24 полка (совр. реконструкция)

Утром 22 января 1878 года солдаты мирно завтракали вокруг костров, запивая ромом из походных фляжек похлебку с мясом, иные уже кончили завтрак и чистили или чинили амуницию. Внезапно на севере, впереди лагеря, прямо из-за холмов показались черные пятнышки – это были зулусы. С аванпостов раздались сигналы и помчались с предупреждением всадники, в лагере пробили тревогу. Солдаты бросили завтрак и кинулись к ружьям, кавалеристы – к лошадям, артиллерийская прислуга поспешила к орудиям. 700 «красных мундиров» Пуллейен решил поставить группами поротно, вперемешку с менее боеспособными отрядами ополчения. Всего в общей сложности около 1300 англичан и их союзников собираясь защищать позицию, длиной в две мили.

Вскоре англичане построились в плотную линию, впереди которой были рассыпаны цепи стрелков. Но зулусы, словно вырастая из-под земли, быстро приближались, становясь все многочисленнее. Вот черная туча их стройных тел появилась на востоке, и живое полукольцо, оттесняя аванпосты, стало надвигаться на лагерь. Все новые и новые полки черных воинов скатывались с холмов, грозно наседая на зловеще притихшую кучку англичан, понявших, наконец, всю отчаянность своего положения. Уже можно было простым глазом видеть отличительные головные уборы и цвет щитов отдельных полков, в центре которых наступал гвардейский полк Кетчвайо с Даламанбуци во главе. Он сидел на вороном коне, волосы его были схвачены золотым обручем, ярко горевшим на солнце. [13]

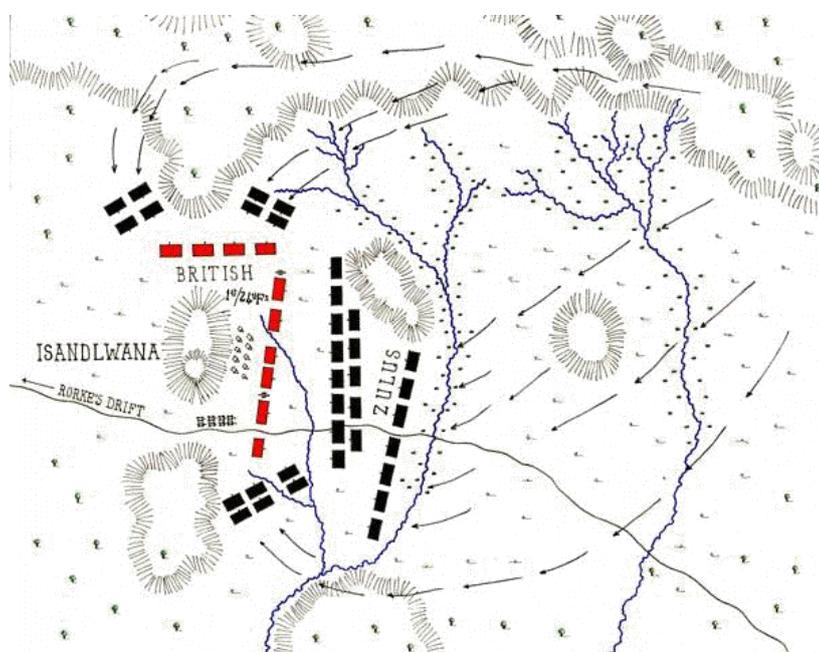


Рис. 10. Схема сражения

Как только войско зулусов подошло на расстояние орудийного выстрела, был дан приказ открыть огонь. Раздался гром пушек, и шрапнель пробила широкую брешь в черной стене наступающей армии. Но ряды зулусов тотчас сомкнулись, оставив на траве позади себя десятки убитых, наступление же не замедлилось ни на миг. Английские офицеры побледнели, переглянулись – они и не подозревали с каким упорным врагом предстоит иметь дело. Немного погодя в тылу наступающих сомкнутым строем полков показались новые массы черных воинов – это был резерв. Противники сблизилась уже настолько, что англичане прицельно били по плотным шеренгам, в то же время с изумлением замечая, что губительный огонь их артиллерии и пехоты совершенно не замедляет быстрого движения наступающих: шеренги смыкались как на параде, хотя зулусы так и валились в рядах – их щиты легко пробивались английскими пулями. А 11,45-мм однозарядная винтовка «Мартини-Генри» образца 1871 года, позволяла опытному солдату вести огонь со скорострельностью до 12 выстрелов в минуту, при этом дальность эффективного огня составляла 400 ярдов (370 м).

Зулусы демонстрировали удивительную стойкость – когда по тесным черным рядам била картечь, оттуда вместо стонов слышался насмешливый крик: «Nqaka amatshe!» (Поймай камень!), когда звучал залп британских винтовок, зулусы подбадривали себя воплями: «Моуа!» (Это ветер!). И все перекрывал традиционный боевой клич: «u-su-thu!». Вскоре, начались потери и среди англичан. Наступая, зулусские полки останавливались на мгновение, передние ряды давали залп, и движение продолжалось прежним темпом. Однако ружейный огонь черных воинов был далеко не так меток, как выстрелы англичан. [14]



Рис. 11. Атака зулусов (худ. Charles Edwin Fripp)

Вдруг загремела боевая песня зулусов. Действие ее было так велико, что басуты кинулись во все стороны, а натальских зулусов, находившихся в рядах англичан, офицерам с огромным трудом удалось удержать на месте лишь ударами сабель и револьверными выстрелами. Большая часть натальских зулусов, тем не менее, бежала в единственную еще свободную от неприятеля сторону – в тыл лагеря. Однако вскоре черный круг плотно сомкнулся, отрезая и эту последнюю лазейку для спасения. Теперь зулусы подступили к врагу, упорно стоявшему на своем месте, ближе, чем на сотню шагов. Англичане расстреливали их в упор, но черные воины с каким-то презрением к смерти яростно наступали. [14]



Рис. 12. Рукопашная схватка британцев и зулусов (Худ. Edwin Fripp)

Сами британцы стояли твердо. Черные людские волны накатывались на них, но так же и откатывались, устилая землю бесчисленными телами. Английские солдаты-профессионалы стреляли так часто и перезаряжали так быстро, что зулусы не могли к ним пробиться и падали, будто скошенные, целыми рядами. Но затем в ряде подразделений как по команде стрельба прекратилась – патроны у солдат закончились. После чего буквально за несколько минут, оборона британцев дрогнула и пришла в состояние полного хаоса, в этот момент расстояние сократилась до минимума, просвистели в воздухе легкие ассагаи (дротики), и зулусы, оглашая воздух дикими криками, с пиками в руках пошли в последний бросок. Началась рукопашная. [15]

И вот смешались в пороховом дыму черные, будто стальные, тела с красными мундирами англичан, и началась адская свалка. Английская оборонительная линия была прорвана сразу и в нескольких местах, там, где стояли вспомогательные отряды ополчения. Ополченцы безо всякого порядка бросились бежать к центру лагеря, надеясь прикрыться все еще стойко державшимися ротами «красных мундиров», выставившими вперед штыки и сохранявшими строй. Британцы дорого продавали свою жизнь, но натиск черных воинов был неудержим. Точно разъяренные пантеры кидались они на врага, и несколько минут спустя лавина зулусской армии затопила и поглотила без остатка английский лагерь: ни одного солдата, возницы или носильщика, ни одного коня, вола или собаки не осталось в живых – все было превращено в какое-то кровавое крошево. Последним из защитников пал подполковник Дернфорд, до самого конца остервенело рубивший саблей наскакивавших на него зулусов. [15]



Рис. 13. Подполковник Дернфорд в бою с зулусами. (Illustrated London News.)

Лишь немногие счастливицы сумели выскочить из лагеря до того, как замкнулось смертоносное кольцо и вплавь перебраться на правый берег реки Буффало (спаслось 55 европейцев и 300 туземцев). Погибло 1329 британцев и их союзников, среди них 52 офицера. Трофеями зулусов стали около 1000 новейших казнозарядных винтовок, два 7-фунтовых артиллерийских орудия (RML 7 rounder Mountain Gun), около 400 тыс. патронов, три знамени, 130 фургонов (хотя часть с точки зрения европейца ценных трофеев, в том числе консервы в жестяных банках, обмундирование и палатки, были брошены на поле боя). Довольно тяжелые потери понесли и зулусы – погибло около трех тысяч отборных воинов. Однако эта победа на время вселила уверенность и подняла боевой дух зулусов. Сам Кечвайо, полагая, что у англичан не осталось больше в Южной Африке солдат, надеялся, что на этом война закончится. [16]

Битва при Исандуле была одним из самых тяжелых поражений, понесенных Британской армией во время Викторианской эпохи; она также стала славной и роковой вехой в истории королевства Зулу. В одночасье, доселе никому почти не известный народ, вдруг открылся всему миру, его воины стали олицетворением грозной мощи и

выносливости, как чуждая грозная сила, не доступная пониманию европейца. За всю 200-летнюю историю «покорения» Черной Африки битва под Исандулой была самым тяжелым поражением белых колонизаторов. [9] Впрочем, нисколько не умоляя мужество зулусских воинов, следует сказать, что в значительной степени этот разгром подготовили... английские интенданты.

Амуниция британского пехотинца предусматривала ранец, сумку, флягу и небольшой патронташ на поясном ремне, вмещавший всего 20 патронов. Все остальные боеприпасы перевозились в обозе в специальных ящиках. Ящики, сделанные из толстых досок красного дерева, открывались только после того, как с помощью штыка выкручивались четыре длинных медных винта, затем снималась крышка и специальным ножом (типа консервного) вскрывался толстый лист цинка, защищавший патроны от влаги. После этой операции можно было извлечь из ящика коробки с патронами, сделанные из толстого, промасленного картона. Опять с помощью штыка коробки разрезались и, наконец, можно было извлечь бумажные пачки с патронами. [17]

Каждый ящик вмещал тридцать пачек по десять патронов в каждой. Согласно строжайшему приказу главного интенданта, проводить операцию по его вскрытию имели право только специальные интендантские унтер-офицеры. Эта процедура обычно занимала порядка пяти минут и всегда выполнялась неспешно, поскольку за поврежденный ящик штраф вычитался из жалования интенданта. С целью обеспечения строгого учета расхода боеприпасов, за каждым таким унтером закреплялось определенное подразделение, которое он во время боя снабжал патронами, тщательно фиксируя их количество. Ясно, что при такой системе учета патроны выдавались только своим подносчикам, которых интендант знал лично. [6, 17]

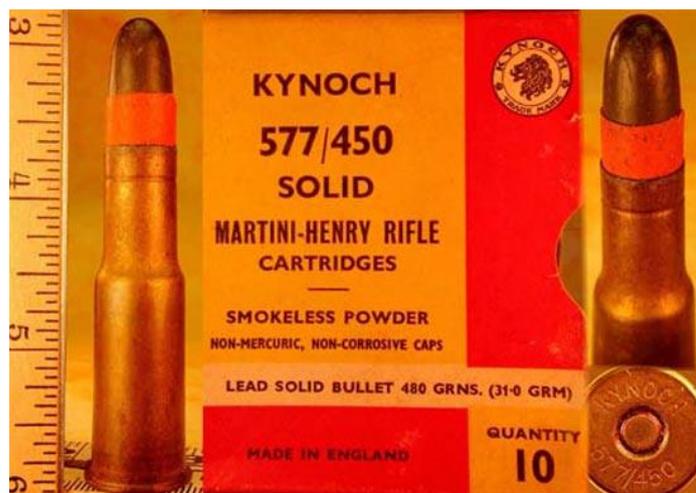


Рис. 15. Пачка патронов к винтовке «Мартини-Генри»

Однако, облегчая учет тыловикам, такая процедура сильно стесняла боевые подразделения. Во время отражения атаки зулусов подносчикам боеприпасов пришлось не только бегать до обоза около 200 метров, но часто несколько минут ожидать пока интендант вскроет ящик, а в это время в двух шагах другой интендант ждал своих подносчиков у уже открытого ящика, но категорически отказывался выдавать патроны «чужаку». По воспоминаниям очевидцев английские солдаты в течение всего боя испытывали острейший «патронный голод», и их огонь довольно скоро стал гораздо менее интенсивным, чем позволяла техническая скорострельность их современных винтовок. Кроме того, было обнаружено, что стандартная винтовка системы «Мартини-Генри» начинала давать осечки после нескольких выстрелов в горячем воздухе. Хотя педантизм англичан вошел даже в поговорку, но, честно говоря, в данной ситуации педантизм сродни идиотизму. Что и подтвердил британский военный трибунал, осудивший, как саму систему учета (в переносном смысле), так и ее автора – в прямом. [18]

Именно после этого боя носимый боекомплект каждого солдата в британской армии был увеличен в три раза. Поскольку такое количество патронов носить на поясе было

неудобно, то была сделана специальная патронная сумка, носимая на плечевом ремне под сумкой для вещей: отсюда и название этого вида амуниции – «подсумок». [17, 19]

Примечания:

1. История Африки в XIX — начале XX в. / колл. авт., отв. ред. В. А. Субботин. 2-е изд., пер. и доп. М., «Наука», 1984.
2. *Ritter Э.* Зулус Чака. – М.: Наука. Глав. редакция восточной литературы, 1989
3. *Потехин И.И.* Формирование национальной общности южно-африканских банту — М., 1955.
4. *Binns C.T.* The Last Zulu King. The Life and the Death of Cetshwayo. — London: Longmans, 1963.
5. Зулусские войны // Советская военная энциклопедия / под ред. Н.В. Огаркова. Т. 3, М., Воениздат, 1977.
6. *Cope R.L.* Ploughshare of War: The origins of the Anglo-Zulu War of 1879. Pietermaritzburg, 1999
7. *Maylam P.A.* History of the African People of South Africa: from the Early Iron Age to the 1970s. London: Groom Helm; David Philip, 1986.
8. *Roca Carlos.* Zulú, la batalla de Isandhlwana. Barcelona, Inedita Editores, 2006.
9. Англо-зулусская война 1879 // Большая Советская Энциклопедия / под ред. А.М. Прохорова. 3-е изд. Т.1. М., «Советская энциклопедия», 1970.
10. British Parliamentary Papers. Colonies. Africa. Vol. 14. Correspondence Regarding Unrest in Transvaal and Affairs in South Africa Generally, 1880. — Shannon: Irish University Press, 1971.
11. *Donald R. Morris.* The Washing of the Spears: a History of the rise of & its fall in the Zulu War of 1879. Jonathan the Zulu nation under Shaka Cape, London, 1972.
12. *Vijn C.* Cetshwayo's Dutchman; Being the Private Journal of a White Trader in Zululand During the British Invasion. London: Longmans, Green, and Co., 1880.
13. Война англичан с зулусами // «Военный сборник», № 4, 1879.
14. *Биннс Ч.Т.* Динузулу. Конец династии Чаки. — М.: Наука, 1978.
15. *Colenso F.E.* History of the Zulu War and Its Origin, London, 1880.
16. Military Heritage discussed Rorke's Drift and the politics of the Victoria Cross (Roy Morris Jr., Military Heritage, August 2005, Volume 7, No. 1
17. *Строгов И.* Война с зулусами // Журнал «Мастер-ружье», № 61, апрель 2002.
18. *Coupland, Sir Reginald.* Zulu Battle Piece: Isandhlwana, London, 1948.
19. *Race William Watson.* Anglo-Zulu War: Battle of Hlobane. historynet.com. — Military History Magazine, June 1996.

References:

1. Istoriya Afriki v XIX — nachale KhKh v. / koll. avt., отв. red. V. A. Subbotin. 2-e izd., per. i dop. M., «Nauka», 1984.
2. Ritter E. Zulus Chaka. – M.: Nauka. Glav. redaktsiya vostochnoi literatury, 1989
3. Potekhin I.I. Formirovanie natsional'noi obshchnosti yuzhno-afrikanskikh bantu — M., 1955.
4. Binns C.T. The Last Zulu King. The Life and the Death of Cetshwayo. — London: Longmans, 1963.
5. Zulusskie voiny // Sovetskaya voennaya entsiklopediya / pod red. N.V. Ogarkova. T. 3, M., Voenizdat, 1977.
6. Cope R.L. Ploughshare of War: The origins of the Anglo-Zulu War of 1879. Pietermaritzburg, 1999
7. Maylam P.A. History of the African People of South Africa: from the Early Iron Age to the 1970s. London: Groom Helm; David Philip, 1986.
8. Roca Carlos. Zulú, la batalla de Isandhlwana. Barcelona, Inedita Editores, 2006.
9. Anglo-zulusskaya voina 1879 // Bol'shaya Sovetskaya Entsiklopediya / pod red. A.M. Prokhorova. 3-e izd. T.1. M., «Sovetskaya entsiklopediya», 1970.

10. British Parliamentary Papers. Colonies. Africa. Vol. 14. Correspondence Regarding Unrest in Transvaal and Affairs in South Africa Generally, 1880. — Shannon: Irish University Press, 1971.
11. Donald R. Morris. The Washing of the Spears: a History of the rise of & its fall in the Zulu War of 1879. Jonathan the Zulu nation under Shaka Cape, London, 1972.
12. Vijn C. Cetshwayo's Dutchman; Being the Private Journal of a White Trader in Zululand During the British Invasion. London: Longmans, Green, and Co., 1880.
13. Voina anglichan s zulusami // «Voennyi sbornik», № 4, 1879.
14. Binns Ch.T. Dinuzulu. Konets dinastii Chaki. — М.: Nauka, 1978.
15. Colenso F.E. History of the Zulu War and Its Origin, London, 1880.
16. Military Heritage discussed Rorke's Drift and the politics of the Victoria Cross (Roy Morris Jr., Military Heritage, August 2005, Volume 7, No. 1
17. Strogov I. Voina s zulusami // Zhurnal «Master-ruzh'e», № 61, april' 2002.
18. Coupland, Sir Reginald. Zulu Battle Piece: Isandhlwana, London, 1948.
19. Race William Watson. Anglo-Zulu War: Battle of Hlobane. historynet.com. — Military History Magazine, June 1996.

УДК 94(680)

Сражение при Инсандуле (Цена интендантского формализма)

Юрий Федорович Каторин

Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова,
Российская Федерация
198035, Санкт-Петербург, ул. Двинская, 5/7
Доктор военных наук, профессор
E-mail: katorin@mail.ru

Аннотация. В статье рассказывается об одном из эпизодов Англо-Зулусской войны 1879 года – сражении при Инсандуле (22 января 1879 года), восстановлена картина боя, уточнены обстоятельства атаки зулусов на английский лагерь у горы Инсандула. Анализируются структура, комплектование, подготовка и боевые возможности зулусской армии. Высказывается версия, почему англичане понесли такие тяжелые потери в личном составе и произошел полный разгром их войск, что было совсем не свойственно для колониальных войн Викторианской эпохи. Анализируются недостатки системы снабжения патронами английских солдат на поле боя.

Ключевые слова: Зулусская армия; англо-зулусская война 1879 г.; сражение при Инсандуле; Чака, Кетчвайо; Дабуламанци; подполковник Генри Пуллейн; снабжение; патроны; винтовки «Мартин-Генри».

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*



Published in the Russian Federation
Voennyi Sbornik
Has been issued since 1858.
ISSN: 2309-6322
Vol. 6, No. 4, pp. 209-235, 2014

DOI: 10.13187/issn.2309-6322
www.ejournal6.com



UDC 94

Letters from Officer/Orientalist K.N. Smirnov from the Caucasian Front as a Source for the Study of the Military/Political Situation in Turkey and Iran in 1914–1917

Nugzar K. Ter-Oganov

Tel Aviv University Center for Iranian Studies, Israel
Dr. (History)
E-mail: nteroganov@yahoo.com

Abstract

This study attempts to analyze the letters of officer/orientalist and military oriental scholar, officer in the Intelligence Section of the Staff of the Caucasian Military District, Staff Captain Konstantin Nikolayevich Smirnov, sent by him from the Turkish and Iranian sectors of the Caucasian front to his wife Kseniya Karlovna Smirnova (Kester) over the period 1914–1917.

Depending on changes in the deployment of Russian troops fighting against the Turkish army, as well as the German-Turkish block, both in the north-eastern part of Turkey and in the north-west of Iran, K.N. Smirnov had sent those letters from Kamarli, Diadin, Iğdır, Beyazit, Trebizond, Kazvin, Kermanshah, Kerind, Qasr-e Shirin, Ava now to Tiflis and now to Sevastopol, Hamadan, and Kazvin, where his wife was staying at that particular point in time.

K.N. Smirnov's surviving letters, just like their fragments, give us an idea of the military/political situation along the line of contact with the enemy on the Caucasian front, as well as many aspects of the activity of officers from the Expeditionary Corps of General N.N. Baratov in Iran over the period 1915–1917. Of interest is his characterization of the personal qualities of many Russian officers, such as General N.N. Baratov, the immediate superior of Staff Captain Smirnov, who at the time headed the reconnaissance unit of the Expeditionary Corps, Colonel N.F. Ern, Chief of Staff, and other officers of the corps. The letters also bring to light the character of activity by K.N. Smirnov as a "political officer".

K.N. Smirnov's letters contain extremely rare information on the episode of short-term Anglo-Russian military cooperation on the Caucasian front intended to coordinate actions against Turkish troops in Mesopotamia.

Keywords: Caucasian front; World War I; letters; officer/orientalist; K.N. Smirnov.

Введение

Первая мировая война, или так называемая "Великая война", оказалась самым глобальным, кровопролитным и разрушительным военным конфликтом в истории человечества. Хотя основные военные события происходили в Европе, тем не менее, в орбиту активного военно-политического противостояния оказались вовлечены и два ближневосточных государства: османская Турция и каджарский Иран. Как известно, первая из них встала на стороне Центральных держав и тем самым стала участником конфликта, а второй, несмотря на объявленный им нейтралитет, превратился в арену ожесточенных

схваток воюющих сторон. На фоне столкновения интересов Центральных держав и стран Антанты на Ближнем Востоке Кавказ оказался тем форпостом российской империи, который имел непосредственное территориальное соприкосновение с этим регионом.

Поэтому, с началом войны российскими военно-политическими кругами были определены цели и задачи Кавказского фронта, охватившего восточные вилайеты османской Турции и северо-западные провинции Ирана, а также широкую полосу северного участка ирано-турецкой границы. Несмотря на то, что решающие военные действия враждующих сторон проходили в Европе, тем не менее, Кавказский фронт имел важное стратегическое значение не только для России, но и для ее союзницы по Антанте – Англии.

Стратегическое расположение Кавказа как моста, связующего Европу с Азией, определяло не только военное, но и экономическое его значение. Поэтому, на Кавказском фронте, также как и в Месопотамии и Египте, решалась судьба того, какие мировые державы будут контролировать в будущем "южные ворота" из Европы в Азию. За право обладать ими боролись между собой Центральные материковые империи, западная морская империя в лице Великобритании, и российская империя [1]. Таким образом, от успехов на Кавказском фронте во многом зависела судьба всей военной кампании на востоке.

Как известно, многие из активных участников военных сражений на Кавказском фронте оставили после себя различные воспоминания и личные корреспонденции, которые раскрывают перед нами не только мировоззрение и человеческие качества их авторов, но и их видение сложившейся ситуации на фронте. К числу подобных личных писем, обогащающих наши знания в области истории Кавказского фронта, безошибочно можно назвать и личные письма штабс-капитана Константина Николаевича Смирнова.

Письма К.Н.Смирнова дают нам уникальную возможность, через субъективные линзы их автора взглянуть на многие важные военно-политические события, которые имели место в турецком и иранском секторах Кавказского фронта в период 1914-1917 гг.

Вместе с тем его личные письма с линии фронта, не в пример официальным донесениям и рапортам, содержат порой совершенно неизвестные сведения о тех или иных сторонах исторических событий, не нашедших отражение в сухих официальных бумагах. Ценность писем К.Н.Смирнова заключается в том, что в отличие от многих подобных писем с фронта, дневников и воспоминаний, прошедших через "чистилище" военной цензуры, его письма полностью избежали ее.



Фото 1. Константин Николаевич Смирнов

Краткая биография. Константин Николаевич Смирнов, выпускник Тифлисского кадетского корпуса и Михайловского артиллерийского училища, в 1903 г. окончил офицерские курсы восточных языков при Азиатском департаменте МИД России в Санкт-Петербурге, и в чине штабс-капитана был зачислен в Штаб Кавказского военного округа. В 1904 г. вместе с небезызвестным полковником В.П.Ляховым, будущим командиром Персидской казачьей бригады, он был командирован для сбора разведанных в юго-восточную Турцию. В 1906 г. К.Н.Смирнов стал помощником начальника новообразованного, нештатного Разведывательного отделения Штаба Кавказского военного округа, находившегося в непосредственном подчинении Главного управления Генерального штаба (ГУГШ). Но там он долго не задержался. В течение семи лет (1907–1914 гг.) находился в служебной командировке в Иране, при шахском дворе в качестве воспитателя сначала наследника престола, а затем юного Солтан Ахмад-шаха (1909–1925 гг.). В период Первой мировой войны, зимой 1914 г. К.Н.Смирнов был направлен в турецкий сектор Кавказского фронта, откуда осенью 1915 г. получил назначение в штаб Экспедиционного кавалерийского корпуса генерала Н.Н.Баратова в Иране. Зимой 1916 г. вернулся в турецкий сектор Кавказского фронта, где оставался вплоть до начала 1918 года.

С самого начала службы в Штабе Кавказского военного округа, как за время своей длительной командировки в Иран, так и после нее К.Н.Смирновым были опубликованы многие востоковедческие работы в дореволюционной русской военной печати. Он продолжил свою плодотворную научно-исследовательскую деятельность и в годы советской власти [2], но ему не было суждено воспользоваться своими немалыми познаниями в области изучения истории Ирана и Турции – в 1938 г. он стал жертвой сталинских репрессий.

К.Н.Смирнов относится к той категории авторов, которые интересны нам не только как исследователи, но и как хроникеры тех событий, участниками или свидетелями которых им пришлось быть. В этом смысле рукописные материалы из архивного фонда К.Н.Смирнова, хранящиеся в Архиве Национального центра рукописей Грузии [3], дают реальное ощущение соприкосновения со многими историческими событиями и фактами, которые для нас порой совершенно неизвестны или же покрыты завесой тайны.

Из всего рукописного наследия К.Н.Смирнова немалый научный интерес представляют его личные письма. Они были адресованы его жене, Ксении Карловне Смирновой (Кестер) [4]. В зависимости от изменения дислокации русских воинских частей, действующих против турецкой армии, а также сторонников немецко-турецкого блока, как в северо-восточной части Турции, так в северо-западном Иране, он отправлял эти письма из Камарли, Диадина, Игдыра, Баязида, Казвина, Керманшаха, Керинда и Касре-Ширина. Посылались эти письма то в Тифлис, то в Севастополь, Хамадан и Казвин, где в конкретный момент находилась его супруга.

Все эти письма их автор не только хранил в своем личном архиве, но и намеревался как-то систематизировать их. Если судить по материалам его архива, скорее всего, в 1937 г., буквально за несколько месяцев до своего рокового ареста, Смирнов перечитал свои письма и снабдил их краткими примечаниями, касающиеся, в основном, отдельных персон. Последнее обстоятельство может указывать на то, что автор писем сделал это ради будущих их читателей.

Несмотря на частный характер этих писем, они содержат неизвестный для большинства исследователей фактический материал, имеющий непосредственное отношение, например, к деятельности Экспедиционного корпуса генерала Н.Н.Баратова в Иране и на ирано-турецкой границе, или к эпизоду англо-русского военного сотрудничества против турецко-германского блока на территории Ирана и Турции.

Анализ писем Смирнова дает нам возможность представить себе мировоззренческий портрет особого типа русского офицера – не сказать, что националиста, но и не космополита, а представителя той категории русского офицерства, которая смотрела как на свой народ, так и на некоторые нацменьшинства российской империи свысока, порой с нескрываемой долей неприязни. Его письма насквозь пронизаны чувством ксенофобии, что отчетливо проявляется в отношении персов, которых он называет просто "персюками" [5], а также армян.

Если свое неприязненное отношение к персам он мотивирует пленением ими его дедушки в период второй русско-иранской войны 1826–1828 гг., и чувством мщения за него [6], то его письма не дают ответа на причину возникновения у него армянофобии. По нашему мнению, корни этого явления следует искать в системном кризисе самодержавия и его национальной политики конца XIX – начала XX вв. Именно тогда рост национального самосознания армянского народа столкнулся с официальной политикой насильственной ассимиляции, и вызвал к жизни ксенофобские настроения, граничащие с зоологической, расистской ненавистью в среде ультрашовинистической части русского чиновничества и офицерства [7].

В "турецких письмах" Смирнова не раз встречаем упоминание об армянских добровольцах, вставших на защиту своего народа. Как можно сделать заключение из его писем, впрочем, как и из его "Записок воспитателя персидского шаха. 1907–1914 годы", а также из рапорта о поездке в Турцию в 1904 г. [8], Смирнов везде неодобрительно, с отрицательной коннотацией, отзывается об армянах и их вождях. Можно лишь предположить, что такая неприязнь к армянам могла быть вызвана из-за стремления армян Османской империи обрести свободу и независимость, что наглядно было продемонстрировано ростом их национального самосознания. Видимо спроецировав возможные последствия освободительного движения армян для Российской империи, Смирнов стал неодобрительно относиться к нему. В этой связи уместно отметить, например, его явно негативное отношение к армянам за их активное участие в Конституционной революции в Иране (1905–1911 гг.), а также за их стремление к обретению единого национального очага по обе стороны русско-турецкой границы, обострившееся в результате политики насильственной русификации на Кавказе [9]. Для иллюстрации достаточно привести хотя бы следующее предложение из письма, отправленного из Игдыра 27 сентября 1915 года: "Тут сейчас армянские дружины, *Дро и всякая такая публика [Italic – наш]*" или: "Теперь я занимаюсь вывозом сена, - пишет он в письме от 5 октября 1915 г., - находящегося близ Арарата, и принадлежащего враждебным курдам. Занимаются этим обывательские ишаки, а конвой – казаки, солдаты и *армянские добровольцы. Ведь у меня несколько десятков этого сброда из здешних армян, вооруженных ружьями*" [курсив – наш] – делает заключение Смирнов [10]. Он же с таким же презрением и легкостью называет американских армян, принимавших участие в освободительной борьбе на стороне союзников, "*бандой*", а своего коллегу, набравшего их – полковника русской службы Альфреда Иосифовича Термена – обзывает "*кретином*"! [11].

Обобщая сказанное об отношении Смирнова к армянам, не следует забывать и о скрытой юдофобской позиции Смирнова, которая вырывается у автора наружу в одном из его писем, когда он телеграфиста, допустившего ошибку при отправке телеграммы на его имя, называет "*жидком*": "Значит, - пишет Смирнов, - о моем существовании не забыли, но адресовано было капитану, так что я думаю, что *жидок* [курсив – наш] напутал" [12].

Но, как свидетельствуют письма, Смирнову было вообще чуждо чувство сострадания к попавшим в беду людям, даже единоверцам. В письме, посланном с Черноморского побережья в 1917 г., Смирнов описывает разыгравшуюся трагедию на море, когда лодка с греческими беженцами, женщинами и детьми опрокинулась, и ее пассажиры стали тонуть. "Мимо меня несло старую женщину, которая под водой как бы проходила, поднявши руки слегка, или махая, и скоро стала пускать пузыри. *Откровенно говоря,* - пишет Смирнов, - *у меня не было какого-либо особенного чувства к этой женщине...Потонуло, говорят, что около 4-5, а я думаю, что около десятка. И знаешь, повторяю тебе, на меня это особенно впечатления не произвело, я даже гораздо более неприятное чувство испытываю, когда мы обстреливаем турецкие берега*" [курсив – наш] [13]. И это писал человек, который по долгу службы должен был заниматься спасением греческих беженцев и их отправкой в Батум! Хотя, что можно сказать о человеке, который вообще ставил под сомнение благородство освобождения болгар от турецкого ига: "Но наш народ, - пишет Смирнов, - когда-то воевавший за освобождение болгар и за другие глупости [?! – Н.К.Тер-Оганов], теперь окончательно очерствел" [14].

Через месяц после возвращения из Ирана, с ноября 1914 г. по февраль 1915 г., К.Н.Смирнов был прикомандирован к состоявшему на русской военной службе родоначальнику курдского племени Зилянлы Аль-Ашреф-беку Шамшадинову [15].

Как известно, последний поставлял в ШКВО сведения о курдах, при этом подчеркивая связь курдов с дервишским орденом накшибендиев [16].

Целью данной командировки, по объяснению К.Н.Смирнова, являлось умиротворение протурецки, враждебно настроенных по отношению к России курдов на театре военных действий в районе Ереванской губернии, Макинского ханства и Баязидского санджака.

Судя по датам его писем, их автор продолжал находиться в упомянутом районе, в частности, в Игдыре и Баязиде, и после завершения там своей командировки. А в сентябре-октябре 1915 г. на него было возложено управление округа Баязид, входившего в район действий IV Кавказского корпуса. В Баязиде, по признанию самого Смирнова, много было "писанья". "Работа, по характеру, - как поясняет автор в письме из Баязида, - скорей консульская. Разбирал тяжбу через переводчика, говоря по-французски, по-персидски, поговорил с купцом, приехавшим из Персии, прочел персидское письмо Оваджикского хана, принял баранов, пригнанных курдами мирными (разбойники не могли утнать и оставили скот в болоте) и подарил для поощрения 5 рублей..." [17].

Письма, отправленные из оккупированных русскими войсками населенных пунктов Турции, хронологически можно разбить на два периода. Первый период относится ко времени, когда он служил в турецком секторе Кавказского фронта (1914–1915 гг.), а второй период имеет непосредственное отношение к его службе в Трапезунде в качестве заведующего разведкой от штаба Кавказской армии и Черноморского флота с конца декабря 1916 года по начало января 1918 года.

Письмо, отправленное им 19 декабря 1914 г. после начала войны с Турцией, дает яркое представление о том, какая нервная обстановка царил в то время в Тифлисе (Тбилиси) – военно-административном центре Кавказа после начала Сарыкамышской операции, вторжения турок в Аджарию, и последовавшего за тем восстания аджарцев-мусульман в середине ноября 1914 года. "Сейчас получил твою телеграмму о том, - сообщает Смирнов, - что в Тифлисе нельзя оставаться и страшно встревожился. Воображаю, какая сейчас паника, как все переполнено и так трудно уезжать" [18]. В возникшем смятении Смирнов винит "начальство, допустившее такую катастрофу", а именно командующего Кавказской армией генерала Г.Э.Берхмана, командира Сарыкамышского отряда, а также генерала Н.Н.Баратова и других. Турецкий прорыв в Аджарии Смирнов воспринимает как поражение Кавказской армии и считает, что необходима срочная замена ее руководящего состава. Кстати, уже в этом письме сквозит скрытое недовольство генералом Н.Н.Баратовым – известным любителем застолья и тостов, которое не раз повторяется и в других его письмах: "Ведь нельзя все пить аллаверды [19] и надеяться на дух Кавказской армии" – пишет Смирнов.

Автор писем дает краткие, но важные сведения о положении в пунктах расположения русских войск. Так, в письме от 15 января 1915 г. Смирнов описывает жуткое санитарное положение в Диадине, сложившееся из-за большого скопления массы людей и животных, что, по его утверждению, мог привести к вспышке эпидемии сыпного тифа. Хотя к тому времени, по сообщению Смирнова, "население все разбежалось", вместе с тем он выражает надежду, что в деле недопущения эпидемии могли бы оказать помощь два представителя "союза городов", видимо, рассчитывая на их благотворительность. "С нами едут два представителя союза городов Тамамшев, а другой – грузин, оба присяжные поверенные, я обращаю их внимание на эту сторону дела" – рассуждает Смирнов [20].

Наибольший интерес представляют письма, отправленные за период с ноября 1915 г. по сентябрь 1916 г. из иранского сектора Кавказского фронта, где он заведовал разведкой и дипломатической частью штаба Экспедиционного кавалерийского корпуса генерала Н.Н.Баратова. Официально его статус звучал так: "Состоящий в распоряжении Главнокомандующего Кавказской Армией, числящийся по гвардейской легкой артиллерии капитан Смирнов" [21].

Содержание "иранских" писем К.Н.Смирнова свидетельствует о том, что его супруга в годы войны большей частью находилась в Иране, и была в курсе происходивших там драматических событий. Примечательно, что К.Н.Смирнов часто информировал ее о положении на ирано-турецком фронте, давал характеристику отдельным русским офицерам и их военным, а также личностным качествам. По его письмам можно судить также о перипетиях англо-русского военного сотрудничества в Иране в период Первой мировой войны.

Согласно Смирнову, Штаб Экспедиционного корпуса с ноября 1915 г. по март 1916 г. находился в Казвине [22], но в связи с проведением наступательной операции на Ханекин и для лучшего управления действиями Корпуса через Керинд и Касре-Ширин [23], в мае 1916 г. он был перенесен поближе к линии фронта – в Керманшах. Через два месяца после отступления русских войск из Хамадана, с августа 1916 г. штаб Корпуса, переименованного в 1-й Кавказский кавалерийский корпус, продолжительное время находился в Аве [24].

В сентябре 1916 г., завершив свою службу в Корпусе, Смирнов выехал из Аве и больше туда не возвращался, после чего с конца 1916 г. по начало 1918 г. находился в командировке в Трапезунде в качестве заведующего разведкой от Штаба Кавказской армии и Черноморского флота. Согласно автору писем, его "работа состояла в организации набегов на турецкое побережье от Элеу до Синопа и в сборе сведений по этому побережью" [25].

Находясь на Черноморском побережье Турции в мае 1917 г., по приказу генерала Н.Н.Юденича, командующего Кавказской армией, Смирнова вызвали в Тифлис и послали в комиссию по разбору недоразумений, возникших между начальником Ардебильского отряда генералом Фидаровым и российским консулом в Ардебиле Дамонтловым. Этот вопрос, между прочим, был обсужден на Краевом съезде Кавказской армии [26], на котором Юденич, со слов Смирнова, и обещал отправку туда "полковника, знающего хорошо Персию". Между тем, хотя и отправили для улаживания этого конфликта офицера-восточника из Разведывательного отделения Штаба Кавказской армии Калантаевского, тем не менее, по решению Юденича, туда следовало направить Смирнова. С этой целью в середине мая Смирнов оказался в Баку, откуда он 18 мая 1917 г. на борту пассажирского парохода отправился вслед за канонеркой, направлявшейся вместе с комиссией к иранскому побережью Каспийского моря.

Как следует из его письма, отправленного из Баку 18 мая 1917 г., поездка Смирнова в Ардебиль могла коренным образом изменить его служебную карьеру. Так, как стало известно Смирнову из беседы с бывшим пограничным комиссаром с ардебильским районом Персии Цысом, на Краевом съезде говорили о замене некоторых консулов военными, и среди кандидатов на замещение должностей была названа и фамилия Смирнова. "Цыс спрашивал меня, - пишет Смирнов, - устраивает ли меня быть консулом в Ардебиле, я сказал, что консулом в Персию ехать – согласен, и Цыс хотел в тот же день сказать Баратову, который тоже играет какую-то роль на съезде, чтобы опять возбудили этот вопрос" [27]. Однако, вопреки его ожиданиям, как нам известно, после выполнения данного поручения, ему пришлось вернуться опять в Трапезунд. А тем временем его бывший командир генерал Баратов во время Февральской революции получил командование 5-м Кавказским корпусом, штаб которого был дислоцирован в Хамкеное, в районе Трапезунда. Так что, не исключено, что Смирнов, находясь в Трапезунде уже в ранге полковника, продолжал иметь тесные отношения с генералом Баратовым.

Следует напомнить, что в период командировки в Иран К.К.Смирнова находилась рядом со своим супругом. Есть косвенные свидетельства того, что она как-то была связана со Штабом Кавказского военного округа. Ее связи с ШКВО прослеживаются и в годы Первой мировой войны, когда ее супруг после возвращения из Ирана в сентябре 1914 г., получив очередное задание, оказался на Кавказском фронте, побывав сначала в его турецком, затем иранском и снова в турецком, секторах.

Если судить по письму, отправленному Смирновым 22 ноября 1915 г. из Казвина [28], к тому времени его автор уже находился в штабе Экспедиционного корпуса генерала Баратова, с которым часто приходилось общаться ему по служебным делам. Содержание письма говорит о том, что сразу после прикомандирования к штабу Баратова, капитан Смирнов оказался сильно загружен делами. "Образ жизни, - жаловался Смирнов, - ведется у нас самый безобразный, вроде как при Поклевском [29], которого своей обходительностью напоминает и Баратов. Спать никогда не ложимся ранее полуночи, обедаем и пьем чай в самое разнообразное время..." [30].

Следует заметить, что возвращение Смирнова в Иран не осталось незамеченным для бывшего его воспитанника - правителя Ирана Солтан Ахмад-шаха Каджара, который заинтересовался его нахождением в Экспедиционном корпусе у российского посланника Н.С. фон Эттера, выразив желание повидаться с ним. Из письма следует, что это известие сообщил ему бывший российский консул в Керманшахе барон Черкасов, эвакуировавшийся

в Казвин. Как следует из письма, в этом событии его сослуживцы усмотрели что-то важное. И, видимо, поэтому, как следует из письма, Смирнов решил съездить в Тегеран вместе с начальником штаба Н.Ф.Эрном или самым генералом Баратовым. Но удалось ли Смирнову встретиться с шахом, эти письма не дают ответа. Тем не менее, сохранилась фотография малого формата, датированная 1916 годом, на котором изображены генерал Баратов и капитан Смирнов в Тегеране. Можно предположить, что эта фотография была сделана именно во время их совместной поездки в иранскую столицу в декабре 1915 года. Наше предположение подкрепляет рапорт тогдашнего командира Персидской казачьей бригады полковника Прозоркевича от 5 января 1916 г., согласно которому 26 декабря 1915 г. командир экспедиционного корпуса в Персии генерал-лейтенант Баратов произвел в Тегеране строевой смотр Персидской казачьей бригады [31].



Фото 2. Генерал Н.Н.Баратов в черной черкеске и капитан К.Н.Смирнов в Тегеране, 1916 г.

Письма Смирнова позволяют нам составить портреты некоторых русских военных, дипломатических и политических деятелей. В первую очередь, это касается командующего Экспедиционным кавалерийским корпусом в Иране генерала Баратова. Согласно Смирнову, в момент его приезда в Корпус, отношения с Бартовым и его начальником штаба Эрном, сложились хорошие. "Оба они, - писал Смирнов, - хорошо относятся ко мне, милые люди, в особенности с Эрном мы хороши" [32]. Тем не менее, он находит, что Баратов человек с мягким характером. "Терпеть не могу людей с таким тряпочным характером, как Баратов, прямо противно смотреть" – писал Смирнов в своем письме из Керманшаха в мае 1916 г. [33]. Но судя по его письму от 1 января 1916 года, генерал Баратов больше похож на благородного, чем на беспринципного военного. Так, согласно автору письма, по его предложению в первый же день Нового года он с генералом Баратовым отправился на посещение военнопленных. Этот визит был организован в ответ на слухи о плохом положении военнопленных. Во время посещения пленных "командир корпуса обратил внимание на многие не порядки и обещал удовлетворить многие претензии пленных и дал им на 5 рублей папиросы". Одного пленного освободили. Смирнов считает большим счастьем для персов, что им "попались" Баратов и он, о чем, по его утверждению, не раз говорили и сами персы. "Баратов очень человечно относится к персам" – делает заключение автор письма [34].

Письма дают нам возможность утверждать, что оценка со стороны Смирнова деятельности генерала Баратова менялась в зависимости от отношения последнего к нему.

"Впрочем, - признается Смирнов, - когда я нужен, то всегда он лучше ко мне относился, а сейчас нет ни дипломатического чиновника, ни другого офицера, знающего Персию" [35]. Вместе с тем Смирнов критически относится к военным заслугам генерала Баратова, подтверждением чему может служить оценка им победы Баратова при Рабат-Кериме. Победу Баратова в сражении при Рабат-Кериме Смирнов приписывает больше случайности и удаче, чем военным способностям генерала.

Согласно письму, проведая о том, что Амир Хешмет [36] хочет зайти в тыл русским войскам и, оценив значение подобного шага в случае неудачи для него самого, иранский премьер-министр Фарман Фарма сообщил об этом через командира Персидской казачьей бригады полковника Прозоркевича генералу Баратову. Для предотвращения этого опасного маневра был послан Тегеранский отряд в набег на Амир Хешмета, которого совершенно разбили и обратили в бегство. Как потом выяснилось, Амир Хешмет вовсе не угрожал тылу русских, поскольку он сам готовил набег на Тегеран, с целью захвата всей наличности банков, ареста посланников, учинения большого грабежа и вывоза шаха в Исфаган. Но, по объяснению Смирнова, он почему-то задержался в Рабат-Кериме, быть может встревоженный движением другого русского отряда к Куму, и совершенно неожиданно подвергся удару конного отряда, производившего набег. "Таким образом, - пишет Смирнов, - Б[аратов] спас Тегеран от большой катастрофы, которая могла бы иметь громадное значение". Несмотря на то, что успех Баратова Смирнов считает везением, тем не менее, он рад за подобных удачливых людей: "Но дай Бог побольше людей, которым везет в начальствующие лица". Но чтобы не выглядеть слишком циником, Смирнов добавляет: "В сущности, всегда военные удачи и неудачи происходят из-за неожиданных пустяков" [37]. Вместе с тем Смирнов считает возможным поделиться со своей женой секретом, касающимся состояния здоровья Баратова, страдающего от лихорадки.

Рассказывая о Баратове, в своих письмах Смирнов нередко с отрицательной коннотацией упоминает о его фаворите - офицере Генерального штаба В.Д.Каргалетели [38], обладавшем большим влиянием на командира корпуса. Так, например, в письме от мая 1916 г. Смирнов прямо пишет о том, что "Каргалетели прямо его [Баратова – Н.К.Тер-Оганов] чукает, называет мягкотелым, а Баратов, собравшись в дорогу и упрашивавший долго спящего по утрам Каргалетели, боязливо спрашивает: "что, Василек, можно ехать, ты готов?". Прямо хочется плюнуть" [39]. Согласно Смирнову, Каргалетели наговаривал много дурного на начальника штаба корпуса Эрна, обвинял его перед Баратовым в том, что тот никуда не годится и т.д. Следует заметить, что с самого начала своей службы в корпусе, Смирнову не удалось наладить с ним нормальные отношения. Уже в одном из своих первых писем он дает ему такую характеристику: "человек не дурной, умный (кончил университет), но большой хам, хотя и служил в гвардейском Литовском полку. Он меня снобрует и, видимо, зазря, а я не обращаю никакого внимания". Как следует из письма от 10 августа 1916г., после отъезда Каргалетели Баратов стал лучше относиться к Смирнову [40]. Хотя уже в письме от 28 августа 1916 г. он продолжает жаловаться на Баратова: "К сожалению, я вижу, что я ему не особенно нравлюсь. Ну как мы вообще с тобой не нравились в Тегеране сердечным людям". "Недоволен я, - читаем в письме, - во-первых, за то, что наделав промахов, он свалил на меня (правда - в мелочах), а во-вторых, за недостаточно внимательное ко мне отношение" [41]. Кстати, Смирнов вздохнул с облегчением, когда получили телеграмму о переводе Каргалетели на северный фронт. "Без него гораздо симпатичнее" – делает заключение Смирнов. Как следует из письма, теперь "за столом идет свободный разговор, генерал как-то лучше ко всем относится без боязни того, как это понравится этому типу" [42].

В письмах Смирнова среди русских, служивших тогда в Иране, мы находим сведения о вице-консуле и негласном военном агенте в Мосуле В.Ф.Кирсанове [43], о котором пишет: "Мне очень нравится Кирсанов, он совсем шикарный дипломат и слегка напоминает мне Саблина [имеется в виду российский поверенный в делах в Тегеране, сменивший на посту руководителя дипломатической миссии Н.Г.Гартвига – Н.К.Тер-Оганов]. Он не предполагает возвращаться на военную службу и хочет совсем переходить в Министерство иностранных дел [44]. Кирсанов – человек хороший, но лодырь и большой сплетник" [45]. В письмах есть упоминание также о местных агентах Кирсанова – драгомане Мадике и агенте российской разведки, расстриженном халдейском священнике некоем Макдо [46].

Следует заметить, что находясь в Иране, Смирнов занимался, как он об этом пишет в одном из своих первых писем из этой страны, "делами светскими, политическими, разведывательными и полицейскими" [47]. В письме от 11 августа Смирнов конкретизирует свои служебные обязанности и называет себя "политическим офицером" по аналогии с английским институтом "Political Officer" [48]. "Сегодня, - пишет Смирнов жене, - выпал тяжелый день твоему политическому офицеру. Набралась масса дела – писать Амиру Афхаму [49], Амиру Афшару [50], воззвание с успокоением жителей Казвина, телеграммы посланнику, Болховитинову [51] и Прозоркевичу [52] относительно политического положения и проч." [53] Таким образом, в его обязанность входило нанесение дипломатических и светских визитов высокопоставленным иранцам. В том же письме он пишет: "Я побывал у восьми персов с целью сделать им эхвальпурею [нетрудно догадаться, что под этим словом кроется известное персидское выражение—"ахвалпорси" (справляться о здоровье и о делах) – Н.К.Тер-Оганов] от имени Баратова". Как выясняется, Смирнов за один день успел побывать "у четырех моджахедов, двух принцев и у двух богачей" [54]. Причем всем им Смирнов передавал карточку Баратова в связи с торжеством по случаю награждения последнего орденом Георгия. Как признается Смирнов, "в числе этих персов есть и заведомые наши враги". Видимо, для сведения последних и была передана Смирновым в печать "объявление Баратова о смертной казни за различные дела".

Из одного письма мы узнаем, что в завершении своих визитов Смирнов побывал еще и у англичан, и после всего этого ему пришлось выяснять положение с каким-то арестантом, присланным ему офицером Персидской казачьей бригады из Зенджана, затем отдал распоряжение переводчику по политической части, а также приостановил объявление смертного приговора. В завершение, он отпечатал на пишущей машинке все собранные за день сведения. Смирнов жалуется жене на свою занятость: "Целый день верчусь, как белка в колесе"! Самое интересное заключение Смирнов делает в конце этого письма, когда пишет о схожести его служебных обязанностей при прежней командировке в Тегеран, и при Экспедиционном корпусе – ничего нового. Вместе с тем, согласно ему, последняя командировка по своему значению намного превосходила прежнюю командировку: "Тут чувствуешь свое значение, правда, создавшееся прежней службой в Тегеране" – признается Смирнов [55].

Что касается отношения Смирнова к персам, то судя по его письмам, как уже выше упомянули, он относится к ним надменно, нередко называя их "персюками" [56]. Такое отношение к персам он оправдывает тем, что в свое время его дед был пленен персами. Кроме того, он вспоминает о тех "пакостях", "которые иногда персюки делали и ему самому" [57]. Тем не менее, в одном из своих поздних писем он выражает свое удовлетворение отношением к нему персов: "Большим удовлетворением мне служит, как относятся ко мне персы. Народу ко мне прет масса, полнейшее уважение, лести слышу массу вроде того, что благодарят судьбу, что тут я, который знаю народ и с которым можно непосредственно объясниться и т.п." [58] Вместе с тем он выражает искреннее удивление из-за того, с какой чуткостью персы относятся к нему, и не знает, как это объяснить. "Но не знаю, чем объяснить чуткость персов – представь себе, еще никто не предлагал взятки, как это всегда делается в Тегеране. Знают ли, что я не возьму или вообще русские здесь не брали, не понимаю" – вопрошает Смирнов [59].

В письмах мы находим отдельные сведения о динамике англо-русских отношений в Иране. Как свидетельствует письмо за 22 ноября 1915 г., находясь в Казвине, Смирнову по службе часто приходилось общаться с англичанами. "Как все на свете переменчиво. Никогда не был знаком, - пишет Смирнов, - ни с одним англичанином и ограничивался самыми официальными отношениями, а теперь англичанки каждую минуту: Кептан Смирнов, да Кептан Смирнов. Английские дети на улице, издали увидев меня, кивают головой, а мистеры с приятной улыбкой жмут руки" [60]. На вечере, устроенном по случаю празднования награждения генерала Баратова орденом Георгия, по признанию Смирнова, он больше общался с англичанками. Одна из англичанок даже вспомнила про его супругу Ксению Смирнову: "какая она была интересная в английской миссии в Тегеране – *Le Dame en Noir*" [61].

Письма Смирнова дают нам основание полагать, что на тот период отношения между русскими и англичанами в Иране находились на подъеме. Отношения были настолько близкие, что, например, англичане даже приглашали Смирнова к себе домой. "Чай пил я сегодня 10 раз и последний раз у англичан с кеком по случаю рождения маленькой Карлин, - писал Смирнов в своем письме за 25 ноября 1915 г., - причем высказал надежду, что буду когда-нибудь есть и ее wedding-cake" [62]. Смирнов делал визиты и английским дипломатическим представителям. Так, в декабре 1915 г. он навестил в Казвине английского консула в Хамадане, с которым он должен был урегулировать возникшее между консулом и генералом Баратовым недоразумение, связанное с преждевременным поднятием одного русского флага в Хамадане, вместо поднятия двух флагов – российского и английского. По указанию Баратова, Смирнов должен был заверить английского консула в том, что "когда будут подымать английский флаг, то Баратов опять поедет в Хамадан" [63], отдав тем самым дань уважения Юнион-Джеку.

Однако, судя по более поздним письмам Смирнова, отправленным в конце апреля 1916 г., эти отношения значительно потускнели из-за известных событий в Кут эль-Амаре. Так, в письме Смирнова от 25 апреля 1916 г. нашло отражение печальное известие о капитуляции генерала Таунсенда под Кут эль-Амарой, полученное в штабе Экспедиционного корпуса в Керманшахе 24 апреля 1916 года. Смирнов, не без основания, стал предполагать тогда о возможном выдвигании обвинения со стороны англичан в адрес генерала Баратова за запоздалое наступление против турецких войск [64], что дало возможность последним держать в окружении английский гарнизон, принудив его сложить оружие.

Капитуляция генерала Таунсенда, по правильному заключению Смирнова, могла изменить ситуацию в пользу турок, и в результате как Керманшах, так и Хамадан могли оказаться под их натиском. Впрочем, позже вышло именно так, когда русские войска были вынуждены покинуть Хамадан и Керманшах. Кстати, в письме Смирнов предупреждает свою супругу об угрожающем Керманшаху, Сенне и Хамадану наступлении турецких войск, тем не менее, он не советует ей покидать Хамадан [65].

Между прочим, догадки Смирнова о возможном обвинении англичанами Баратова, находят свое подтверждение в письме, посланном им в мае 1916 г. из Керманшаха. Дело в том, что история с Таунсендом прямым образом повлияла на отношения англичан к русским, наглядным примером чему может служить история взаимоотношений Смирнова и английского военного агента в Керманшахе Вильямса [66].

Как следует из письма, Вильямс обычно занимался шифрованием телеграмм, поступающих к нему также из штаба Экспедиционного корпуса Баратова. После злопамятной капитуляции Таунсенда отношение Вильямса к русской стороне изменилось в худшую сторону. Он как-то однажды даже отказал Смирнову в шифровании телеграммы Баратова. Более того, как следует из письма, за два дня до составления письма, Вильямс подал иск на русские войска за порчу помещений в Хамадане. Согласно Смирнову, решение данного вопроса, впрочем, как и вопроса о вывозе имущества ковровой фабрики в Решт, было поручено ему английским посланником Ч.Марлингом. Тогда Смирнов заметил Вильямсу, что Марлинг был не прав, поскольку едва ли это могло относиться к обязанностям военного агента. Теперь Вильямс вспомнил о словах Смирнова и заявил, что "это глупости", на что Смирнов возмутился и призвал Вильямса следить за выражениями. Инцидент с Вильямсом заставил Смирнова высказать свое заключение по поводу причины подобного поведения Вильямса: "После этой истории мне стало грустно за человечество. Если такая культурная нация из англичан некорректны, то, что же требовать от нас. Убедившись, что мы не пойдем сейчас брать Багдад, и что Таунсенда мы не выручили своей головой, здешние англичане уже перестали быть любезными, выставили нас из дома, хотят выставлять конвой Баратова из конюшен английского консульства. Вильямс отказался шифровать телеграммы" [67].

В своем письме от 1 мая 1916 г. Смирнов сообщает из Касре-Ширина об обстановке на линии соприкосновения русских и турецких войск. По сообщению автора письма, кавалерийская дивизия, штаб которой был расположен в Касре-Ширине, вполне могла занять Ханекин, но не сделала этого из-за опасения контр наступления турок. Нерадивость была проявлена и при наступлении на отступающих турецких войск по линии Сер-Миль-

Керинд, когда из-за опоздания колонны полковника Успенского не удалось полностью заблокировать ущелье и заставить турок сдаться всем составом [68].

Как следует из письма, несмотря на то, что Баратов воздержался от оказания помощи осажденному английскому гарнизону, русские все-таки допускали возможность захвата Багдада своими силами. Видимо, неслучайны эти строки, адресованные жене: "Нет Ксенюша, я в Багдад ни за что не поеду, если бы меня назначили и вообще, я скорей горожанин и походной жизни не люблю" [69].

В своем письме от 5 августа 1916 г. Смирнов описывает, насколько даже в условиях стабилизации положения на турецко-иранском фронте, положение в Тегеране стало тревожным. Сложившуюся обстановку на фронте он характеризует лаконично: "Турки стоят на месте, а Эттер (русский посланник в Тегеране) уже хочет удирать из Тегерана. Посмотрим, что будет через месяц!" [70]. Однако, как видно из следующего письма от 10 августа, российскому посланнику все же пришлось остаться после получения телеграммы от Великого князя, хотя российский генеральный консул Штриттер к тому времени уже покинул Тегеран [71].

В действительности, согласно сохранившимся архивным материалам, многие в Иране серьезно воспринимали возможное наступление турок на Тегеран. Так в своей телеграмме от 2 августа 1916 г. командир Персидской казачьей бригады полковник Прозоркевич доносил следующее: "Наступление турок к Тегерану создает возможность в ближайшем будущем спешной эвакуации Тегерана русскими учреждениями, всеми подданными" [72]. Более того, согласно шифрованной телеграмме Прозоркевича, отправленной в Отдел генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба от 9 августа того же года, он сообщал уже о начале частичной эвакуации Тегерана и о вывозе оружия Персидской казачьей бригады в Решт, а также о передаче скорострельных орудий бригады в распоряжение Экспедиционного корпуса генерала Баратова, и даже о намерении перевода штаба бригады в этот город [73].

Судя по содержанию письма, действительно существовало опасение по поводу ухудшения военно-политической обстановки и в самом Тегеране. По этой причине в Тегеране все обращаются к генералу Баратову с просьбой спасти положение. Следует полагать, что неадекватное поведение посланника и генерального консула, о чем сообщает Смирнов, вызвало нарекания в русских военно-политических кругах. По этой причине, по предложению Баратова, стали подготавливать предложение о назначении в Тегеран военного посланника в лице генерала Вадбольского, бывшего командира Персидской казачьей бригады [74].

Кроме вышеназванных русских военных и дипломатических чинов в письмах есть упоминание о князе Белосельском-Белозерском – начальнике Кавказской кавалерийской дивизии, бароне Медеме – командире Кавказского пограничного полка, чей штаб был расквартирован недалеко от Хамадана [75]. Можно найти отдельные характерные штрихи к портрету командующего Кавказской армией генерала Юденича. В письмах упомянуты также командир 2-го Кавказского пограничного полка Прозоркевич, граф Нирод – начальник казачьей дивизии в Казвине, Чернозубов – командир 2-го Кавказского кавалерийского корпуса, действовавшего в Азербайджане, генерал-майор Мелик-Шахназаров – начальник тыла, офицеры-восточники Малиновский и Нагайбаков, а также другие офицеры Кавказской армии. Вместе с тем последние письма, отправленные из Ирана, свидетельствуют о происходивших в Кавказской армии изменениях, когда солдатские комитеты стали заправлять армейскими делами и решать вопрос о войне и мире. Так, в своем письме из Касре-Ширина от 1 мая 1916 г. Смирнов сообщает о комиссии в составе офицеров Кавказской кавалерийской дивизии, Шереметьева, Омера, князя Сумбатова и князя Макаева и др., которая "решила, что довольно воевать и поехала в Россию".

Выводы

В заключение следует заметить, что несмотря порой на фрагментарный характер сведений, содержащихся в этих письмах, тем не менее они, без сомнения, заслуживают внимание исследователей, занимающихся вопросами русско-иранских, а также русско-турецких отношений в годы Первой мировой войны.

Ценность писем К.Н.Смирнова состоит в том, что в отличие от разного рода "воспоминаний" и "дневников", которые часто, особенно же в годы войны, проходили через "чистилище" военной цензуры, они полностью избежали ее. На самом деле, в этих письмах с фотографической точностью через субъективные линзы автора нашли отображение многие важные военно-политические события, имевшие место на Кавказском фронте.

Примечания:

1. См.: М. Philips Price (Special Correspondent of the "Manchester Guardian"). War&Revolution in Asiatic Russia. London: George Allen&Unwin LTD, 1918, p. 50-51.

2. О его работах смотри: Н.К.Тер-Оганов. Жизнь и деятельность Константина Николаевича Смирнова – в книге: К.Н.Смирнов. Записки воспитателя персидского шаха. 1907–1914 г. (с приложениями), [Под научной редакцией Н.К.Тер-Оганова]. Тель-Авив: Иврус, 2002, с.12-14.

3. Архив Национального центра рукописей Грузии, фонд 39 (далее: АНЦРГ).

4. К великому нашему сожалению, несмотря на то, что автор регулярно писал письма с фронта своей супруге, в Архиве Национального центра рукописей Грузии сохранилась лишь малая часть этих писем. Многие из этих писем дошли до нас не в полном виде (его личный архив и богатая библиотека в годы советской власти, в прямом смысле этого слова, были просто опустошены). Тем не менее уцелевшие письма или их фрагменты дают нам представление о военно-политической обстановке в Иране и Турции, а также о характере деятельности К.Н.Смирнова в этих странах.

5. АНЦРГ, ф.39, д.62, л.27об.; д.63, л.30-31об. Кстати, в своем романе "Врата Багдада" его автор Хаджи-Мурат Мутуев, бывший сотрудник Разведывательного отделения Штаба Кавказского военного округа, также пользуется этим унижительным словом – "персюки": "А эти, хучь и персюки, а добрые – ровно родные". См.: Хаджи-Мурат Мутуев. Врата Багдада. Роман. М.-Л.: "Земля и Фабрика", [1928], с.134.

6. АНЦРГ, ф.39, д.27, л.85.

7. К этой части, без всякого сомнения, можно отнести "классика" арменофобии В.Л.Величко, бывшего редактора газеты "Кавказ", автора известного пасквиля "Кавказ. Русское дело и междоусобицы", СПб., 1904; книга может служить "настойным руководством" также по юдофобии; кстати, она была переиздана в Баку в 1990 г. издательством "Элм" (Знание). Причем не следует забывать и о "вкладе" в арменофобию русского военного агента в Ване и Трапезунде В.Ф.Маевского, с которым К.Н.Смирнов имел близкое знакомство.

По признанию К.Н.Смирнова, В.Ф.Маевский, проработавший в Османской империи двадцать лет, под конец своей служебной карьеры, превратился в яркого туркофила и герmanoфила, сторонника сохранения целостности Османской империи. Следовательно, стремление армян к свободе или национально-освободительное движение балканских христианских народов против султанской власти он оценивал со своих ретроградских позиций (кстати, и сегодня современные адепты арменофобии, активно используя интернет-ресурсы, охотно цитируют обширные пассажи из публикаций В.Л.Величко и В.Ф.Маевского). Следует заметить, что насколько глубоко В.Ф.Маевский увлекся туркофильством и герmanoфильством, настолько же глубоко он ненавидел англичан. Поэтому не вызывает удивления то обстоятельство, что в конце своей служебной карьеры в 1918 г. В.Ф.Маевский сделал следующие сумасбродные заявления, которые показывают истинное лицо выродившегося военного агента: "Пусть перережет друг друга в гражданской войне Россия, была бы цела только Германия, иначе возьмет верх Англия" или же совершенно непонятный геополитический расчет, а точнее политическая близорукость или просто просчет: "России нужна сильная Турция" - ?! См.: АНЦРГ, ф.39, д.27, л.58.

8. N.Ter-Oganov. Rapport du capitaine en second Constantin Smirnov sur son voyage en Turquie en 1904. *Iran and the Caucasus*. Vol.10.2., Leiden-Boston, pp.209-229.

9. О методах последовательной борьбы против пробудившегося национального движения армян со стороны царской администрации на Кавказе, нашедшей надежную опору в лице местных реакционеров-ретроградов, с очевидной достоверностью рассказал специальный корреспондент английской газеты "Манчестер Гардиан" М.Ф.Прайс в своей книге "Война и революция в Азиатской России". См.: М.Philips Price. War&Revolution in Asiatic Russia, p.255-269.

10. В отличие от штабс-капитана Смирнова, казачий офицер Ф.И.Елисеев, принявший самое активное участие в боевых операциях на Кавказском фронте, а также в известном рейде казачьей сотни В.Д.Гамалея в Месопотамию в 1916 г., дает весьма положительную оценку как личностным, так и национальным качествам руководителей и членов армянских добровольческих дружин: "Их доблестные вожди, - пишет Ф.И.Елисеев, - были штатскими и национальными армянскими политическими деятелями в России... их дисциплина и вся суть воинского движения, построенного на добровольных началах, были основаны на глубочайшем национальном энтузиазме с главной целью – освобождении Армении от турок". См.: Ф.И.Елисеев. Казаки на Кавказском фронте. 1914-1917.

Записки полковника Кубанского казачьего войска в тринадцати брошюрах-тетрадах. Составитель Стрелянов П.Н., М.: Воениздат, 2001, с.86.

11. АНЦРГ, ф.39, д.61, л.21.

12. АНЦРГ, ф.39, д.68, л.48.

13. АНЦРГ, ф.39, д.76, л.60-61об.

14. АНЦРГ, ф.39, д.76, л.59об.

15. Чтобы сохранить расположение Шамшадинова и его племени, руководствуясь политическими соображениями, кавказские военные власти зачислили его, безграмотного полковника, в состав лиц, "состоящих при войсках Кавказского военного округа", а в годы Первой мировой войны присвоили ему генеральское звание. См.: АНЦРГ, ф.27, л.16об.

16. См.: ЦГИА Грузии, ф.1438, оп.1, д.386.

17. АНЦРГ, ф. 39, д. 60, л.16об.

18. АНЦРГ, ф.39, д.52, л.1.

19. "Баратов – первый тулумбаш на Кавказе. Он любит веселье. Не пьет; только делает вид, что пьет. Он очень находчив, остроумен и вокруг него за столом подлинное веселье" – так вспоминала газета "Часовой" о неординарном качестве боевого генерала. См.: Генерал Баратов - газета "Часовой", №103-104, май 1933. с.25.

20. АНЦРГ, ф.39, д.58, л.10-10об.

21. АНЦРГ, ф. 39, д. 67, л.40.

22. Хотя, если судить по дате телеграммы командира Персидской казачьей дивизии барона Майделя от 12 февраля 1917 г., генерал Баратов зимой 1916-17 г. года все еще находился в Казвине. См.: Российский государственный военно-исторический архив, фонд 13185, опись 3, д.48, л.17, 57 (далее: РГВИА).

23. Как известно, для захвата Ханекина по просьбе английского правительства была проведена Керинд-Касреширинская операция. Она должна была облегчить положение британского отряда генерала Чарлза Таунсенда, оказавшегося в плотном окружении турок в Кут-эль-Амаре. Экспедиционный корпус генерала Н.Н.Баратова, действовавший в Иране, 5 (18) апреля 1916 года ударил во фланг 6-й турецкой армии, противостоявшей британской экспедиционной армии. 8 (21) апреля части корпуса генерала Баратова заняли Керинд и Касре-Ширина, а затем, развивая наступление на багдадском направлении, освободили от турок Ханекин, вступив в пределы Месопотамии. См.: Википедия, <http://ru.wikipedia.org>. Но как становится ясно из письма Смирнова, корпус Баратова не стал продолжать свое наступательное действие поскольку, не увидев со стороны англичан встречного движения, командиру Корпуса было приказано приостановить наступление и закрепиться к западу от Касре-Ширина. А летом 1916 г. Экспедиционный корпус был окончательно выведен из Месопотамии.

24. АНЦРГ, ф.39, д.77, л.л.4-6.

25. АНЦРГ, ф.39, д.77, л.7.

26. Речь идет о Первом краевом съезде Кавказской армии, начавшем свою работу 23 апреля 1917 г. в Тбилиси. Как известно, Февральская революция, ознаменовавшая собой конец самодержавия, вызвала мощное брожение в армии, которое коснулось и Кавказской армии. На местах стали создаваться солдатские комитеты, которые отстраняли от командования частями нежеланных для них офицеров. Тем самым был подорван принцип единоначалия в армии. В порядке дня Краевого съезда были многие злободневные вопросы, касающиеся текущего момента и тактики, войны и мира, отношения к Временному правительству, аграрному и национальному вопросам, Учредительного собрания и времени его созыва. Одним словом, все вокруг требовали прав, но при этом не хотели брать на себя никаких обязанностей. По сообщению главнокомандующего Добровольческой армии А.И.Деникина, "демократизация" армии или "Приказ №1" нанесла сокрушительный удар по системе единоначалия в армии, в результате которого фактическая власть в армии была передана в руки так называемых "солдатских комитетов". См.: A.I.Denikin. The Russian Turmoil. Memoirs: Military, Social and Political. Westport, Connecticut: Hyperion Press, INC., 1973, p.59-61. Между прочим, о том же с сожалением писал в своих воспоминаниях бывший ротмистр Персидской казачьей дивизии С.Буцалель, указывая на развал армии и разгулявшуюся анархию в России: "Благодаря революции и приказу №1-ый солдатня начала превращаться в неопишную рвань, нечего было и думать о продолжении войны. Императорская Великая Россия катилась в пропасть...". См.: С.Буцалель III. Воспоминания о службе в Персидской казачьей его величества шаха бригаде" – "Наши Вести", №434/2735, с.15.

27. АНЦРГ, ф.39, д.75, л.56об.-57. Следует заметить, что генерал Баратов не пошел наперекор большевистской власти, потребовавшей вывода русских войск из Ирана. Отвод частей Экспедиционного корпуса, согласно телеграмме Баратова на имя барона Майделя от 18 декабря 1917, начался уже зимой того года. См.: РГВИА, фонд 13185, опись 3, д.48, л.174.

28. Следует заметить, что генерал Баратов вместе со штабом Экспедиционного корпуса расположился в Казвине еще 1 ноября 1915 г., а к 20 ноября того же года русские войска заняли все исходные пункты для начала наступательной операции на позиции противника. См.: А.Г.Емельянов. Персидский фронт. Берлин: Издательство "Гамаюн", 1923, с.22.

29. Имеется в виду российский посланник в Тегеране С.А.Поклевский-Козелл, со стилем работы которого ему пришлось познакомиться еще во время своей первой служебной командировки в Иран в 1907-1914 годах. Тогда в своих "Записках воспитателя персидского шаха. 1907-1914 годы" К.Н.Смирнов писал о нем следующее: "Знавшие его раньше говорили, что он никогда до Персии не работал и не умеет работать, но в Персии, во всяком случае, ему пришлось работать много, и он с этой работой хорошо справился. Сотрудникам его было очень трудно, т.к. режим был невозможный. У него не было определенного часа для обеда (иногда садились за обед вместо 8 часов, в 11 часов ночи), и, вернувшись поздно из гостей, он начинал в третьем часу ночи заниматься делами...". См.: К.Н.Смирнов. Записки воспитателя персидского шаха. 1907-1914 годы", с. 40.

30. АНЦРГ, ф.39, д.62, л.220б.

31. См.: Российский государственный военно-исторический архив. Фонд 2000, оп.1, д.7749, л.5.

32. АНЦРГ, ф.39, д.62, л.250б.

33. АНЦРГ, ф.39, д.67, л.41.

34. АНЦРГ, ф.39, д.63, л.30.

35. АНЦРГ, ф.39, д.68, л.490б.-50.

36. Согласно известному участнику Конституционной революции 1905-1911 гг. в Иране Хасану Таги-заде, Амир Хешмет одно время был начальником войска провинции Азербайджан и главой моджахедов, боровшихся против сторонников отстраненного от власти Мохаммад Али-шаха – Самад-хана Шоджи од-Доуле и русских войск. В начале 1912 г. после понесенного им поражения Амир Хешмет вместе с группой моджахедов бежал в Салмас, а оттуда в Урмию, после чего укрылся в пограничной турецкой казарме. По сведениям же Хосейна Казем-заде, он нашел прибежище в Салмасы у турецкого пограничного комиссара. См.: Эдуард Браун. Намехаи аз Табриз. Тарджоме-йе Джавад Хасани. Техран: Шеркат-е сахами-йе офсет, 1351 (1973), сс. 121, 167.

37. АНЦРГ, ф.39, д.63, л.300б.-310б.

38. Капитан Генерального штаба В.Д.Каргалетели (или Каргаретели), как известно, был старшим адъютантом штаба 1-ой Кавказской казачьей дивизии, и как видно, и в Экспедиционном корпусе генерала Баратова выполнял схожие функции. См.: Ф.И.Елисеев. Рейд сотника Гамалея в Месопотамию в мае 1916 года, с.9. Согласно же А.Г.Емельянову, во время наступления в апреле 1916 года на Ханекин Каргалетели, которого называли "злым гением Баратова", одно время исполнял должность начальника штаба Экспедиционного корпуса. По мнению этого же автора, вину за неудачу наступления в направлении Багдада тогда несправедливо приписывали Каргалетели. См.: А.Г.Емельянов. Персидский фронт (1915-1918). Берлин: Издательство "Гамаюн", 1923 г., с.87. Кстати, это тот самый В.Д.Каргалетели, который после окончания своей службы на Северном фронте вернулся на Кавказ, откуда с небезызвестным Буду Мдивани неожиданно появился в лагере Кучик-хана Джангали в Реште.

О них, как о "двух агрессивных коммунистах", упоминает в своих воспоминаниях английский политический офицер С.Дж.Эдмондс. См.: С. J. Edmonds. East and West of Zagros. Travel, War and Politics in Persia and Iraq, 1913-1921. Edited and with an introduction by Yann Richard. Leiden-Boston: Brill, 2010, p.304.

39. АНЦРГ, ф.39, д.67, л.41.

40. АНЦРГ, ф.39, д.68, л.490б.

41. АНЦРГ, ф.39, д.72, л.34-340б.

42. АНЦРГ, ф.39, д.68, л.490б.

43. Следует заметить, что В.Ф.Кирсанов проработал в должности вице-консула в Мосуле не менее пяти лет. См.: Российский государственный военно-исторический архив. Фонд 1300, Отдел ОГЕНКВАР 1864-1918 гг., опись 1, дд.1307, 1503.

44. Дело в том, что в то время на должности консулов, вице-консулов, а порой и секретарей Генеральных консульств в Турции и Иране нередко назначались офицеры Генерального штаба, которые, получив гражданские чины, на самом деле исполняли роль негласных военных агентов. После завершения службы по линии МИДа, как обычно, они возвращались к своим прямым воинским обязанностям.

45. АНЦРГ, ф.39, д.62, л.23.

46. АНЦРГ, ф.39, д.72, л.33.

47. АНЦРГ, ф.39, д.62, л.26.

48. Согласно Арнольду Вильсону, так называемые "политические офицеры" в британской армии "были повсюду признаны, как прямые посредники между армией и населением". См.: Arnold Wilson. Lieutenant-Colonel, Sir. Loyalties. Mesopotamia. 1914-1917. A Personal and Historical Record.

Oxford University Press. London: Humphrey Milford. 1930, p.143. Если же быть более конкретным, то прямой обязанностью английских "политических офицеров" было ведение агентурной разведки. См.: Елисеев Ф.И. Рейд сотника Гамалея в Месопотамию в мае 1916 года, с.16.

49. Амир Афхам – хамаданский губернатор и помещик (здесь и далее примечания Смирнова).

50. Амир Афшар – глава афшарского племени в районе Зенджана.

51. Болховитинов – исполняющий обязанности начальника штаба Кавказского военного округа.

52. Прозоркевич – командир Персидской казачьей бригады.

53. АНЦРГ, ф.39, д.70, л.51.

54. АНЦРГ, ф.39, д.62, л.26.

55. Там же, л.28.

56. Там же, л.27об.

57. АНЦРГ, ф.39, д.63, л.30об.

58. АНЦРГ, ф.39, д.72, л.35об.-36.

59. АНЦРГ, ф.39, д.62, л.28.

60. АНЦРГ, ф.39, д.62, л.22.

61. Дама в черном – фран. АНЦРГ, ф.39, д.62, л.24.

62. АНЦРГ, ф.39, д.62, л.27об.

63. АНЦРГ, ф.39, д.62, л.26об.

64. АНЦРГ, ф.39, д.64, л.38об. На самом же деле, вопрос прорыва частями Экспедиционного корпуса генерала Баратова турецкой блокады не был решен не по причине "запоздалости" начала наступления русских войск, а из-за отсутствия у них глубокого тыла и отдаленности от основной базы снабжения – Энзели.

65. АНЦРГ, ф.39, д.64, л.39об.

66. АНЦРГ, ф.39, д.67, л.40-40об.

67. АНЦРГ, ф.39, д.67, л.40об.

68. АНЦРГ, ф.39, д.66, л.44об.

69. АНЦРГ, ф.39, д.66, л.45об.

70. АНЦРГ, ф.39, д.68, л.48об.

71. АНЦРГ, ф.39, д.68, л.23.

72. РГВИА, фонд 2000, опись 1, д.7749, л.21.

73. РГВИА, фонд 2000, опись 1, д.7749, л.23.

74. АНЦРГ, ф.39, д.70, л.51об.

75. АНЦРГ, ф.39, д.64, л.39об.

References:

1. Sm.:M. Philips Price (Special Correspondent of the "Manchester Guardian"). War&Revolution in Asiatic Russia. London: George Allen&Unwin LTD, 1918, p.50-51.

2. О ego rabotakh smotri: N.K.Ter-Oganov. Zhizn' i deyatel'nost' Konstantina Nikolaevicha Smirnova – v knige: K.N.Smironov. Zapiski vospitatelya persidskogo shakha. 1907–1914 gg. (s prilozheniyami), [Pod nauchnoi redaktsiei N.K.Ter-Oganova]. Tel'-Aviv: Ivrus, 2002, s.12-14.

3. Arkhiv Natsional'nogo tsentra rukopisei Gruzii, fond 39 (dalee: ANTsRG).

4. K velikomu nashemu sozhaleniyu, nesmotrya na to, chto avtor regul'yarno pisal pis'ma s fronta svoei supruge, v Arkhive Natsional'nogo tsentra rukopisei Gruzii sokhranilas' lish' malaya chast' etikh pisem. Mnogie iz etikh pisem doshli do nas ne v polnom vide (ego lichnyi arkhiv i bogataya biblioteka v gody sovetской vlasti, v pryamom smysle etogo slova, byli prosto opustosheny). Tem ne menee utselevshie pis'ma ili ikh fragmenty dayut nam predstavlenie o voenno-politicheskoi obstanovke v Irane i Turtsii, a takzhe o kharaktere deyatel'nosti K.N.Smironova v etikh stranakh.

5. ANTsRG, f.39, d.62, l.27об.; d.63, l.30-31об. Kstati, v svoem romane "Vrata Bagdada" ego avtor Khadzhi-Murat Muguev, byvshii sotrudnik Razvedyvatel'nogo otdeleniya Shtaba Kavkazskogo voennogo okruga, takzhe pol'zuetsya etim unizitel'nym slovom – "persyuki": "A eti, khuch' i persyuki, a dobrye – rovno rodnye". Sm.: Khadzhi-Murat Muguev. Vrata Bagdada. Roman. M.-L.: "Zemlya i Fabrika", [1928], s.134.

6. ANTsRG, f.39, d.27, l.85.

7. K etoi chasti, bez vsyakogo somneniya, možhno otnesti "klassika" armenofobii V.L.Velichko, byvshego redaktora gazety "Kavkaz", avtora izvestnogo paskvilya "Kavkaz. Russkoe delo i mezhduplemennye voprosy", SPb., 1904; kniga mozhet sluzhit' "nastol'nym rukovodstvom" takzhe po yudofobii; kstati, ona byla pereizdana v Baku v 1990 g. izdatel'stvom "Elm" (Znanie). Prichem ne sleduet zabyvat' i o "vklade" v armenofobiyu russkogo voennogo agenta v Vane i Trapezunde V.F.Maevskogo, s kotorym K.N.Smironov imel blizkoe znakomstvo.

Po priznaniyu K.N.Smironova, V.F.Maevskii, prorabotavshii v Osmanskoi imperii dvadtsat' let, pod konets svoei sluzhebnoi kar'ery, prevratilsya v yarogo turkofila i germanofila, storonnika sokhraneniya tselostnosti Osmanskoi imperii. Sledovatel'no, stremlenie arмян k svobode ili natsional'no-osvoboditel'noe

dvizhenie balkanskikh khristianskikh narodov protiv sultanskoi vlasti on otsenival so svoikh retrogradskikh pozitsii (kстати, i segodnya sovremennye adepty armenofobii, aktivno ispol'zuya internet-resursy, okhotno tsitiruyut obshirnye passazhi iz publikatsii V.L.Velichko i V.F.Maevskogo). Sleduet zametit', chto naskol'ko gluboko V.F.Maevskii uvleksya turkofil'stvom i germanofil'stvom, nastol'ko zhe gluboko on nenavidel anglichan. Poetomu ne vzyvaet udvleniya to obstoyatel'stvo, chto v kontse svoei sluzhebnoi kar'ery v 1918 g. V.F.Maevskii sdelal sleduyushchie sumasbrodnye zayavleniya, kotorye pokazyvayut istinnoe litso vyrodivshegosya voennogo agenta: "Pust' pererezhet drug druga v grazhdanskoi voine Rossiya, byla by tsela tol'ko Germaniya, inache voz'met verkh Angliya" ili zhe sovershenno neponyatnyi geopoliticheskii raschet, a tochnee politicheskaya blizorukost' ili prosto proschet: "Rossii nuzhna sil'naya Turtsiya" - ?! Sm.: ANTsRG, f.39, d.27, l.58.

8. N.Ter-Oganov. Rapport du capitaine en second Constantin Smirnov sur son voyage en Turquie en 1904. Iran and the Caucasus. Vol.10.2., Leiden-Boston, pp.209-229.

9. O metodakh posledovatel'noi bor'by protiv probudivshegosya natsional'nogo dvizheniya armyan so storony tsarskoi administratsii na Kavkaze, nashedshei nadezhnuyu oporu v litse mestnykh reaktivirovannyykh retrogradov, s ochevidnoi dostovernost'yu rasskazal spetsial'nyi korrespondent angliiskoi gazety "Manchester Guardian" M.F.Prais v svoei knige "Voyna i revolyutsiya v Aziatskoi Rossii". Sm.: M.Philips Price. War&Revolution in Asiatic Russia, p.255-269.

10. V otlichie ot shtabs-kapitana Smirnova, kazachii ofitser F.I.Eliseev, prinyavshii samoe aktivnoe uchastie v boevykh operatsiyakh na Kavkazskom fronte, a takzhe v izvestnom reide kazach'ei sotni V.D.Gamaleya v Mesopotamiyu v 1916 g., daet ves'ma polozhitel'nyuyu otsenku kak lichnostnym, tak i natsional'nym kachestvam rukovoditelei i chlenov armyanskikh dobrovol'cheskikh druzhin: "Ikh doblestnye vozhdii, - pishet F.I.Eliseev, - byli shtatskimi i natsional'nymi armyanskimi politicheskimi deyatel'nyami v Rossii... ikh distsiplina i vsya sut' voinskogo dvizheniya, postroennogo na dobrovol'nykh nachalakh, byli osnovany na glubochaishe natsional'nom entuziazme s glavnoi tsel'yu – osvobodhenii Armenii ot turok". Sm.: F.I.Eliseev. Kazaki na Kavkazskom fronte. 1914-1917. Zapiski polkovnika Kubanskogo kazach'ego voiska v trinadtsati broshyurakh-tetrad'yakh. Sostavitel' Strelyanov P.N., M.: Voenizdat, 2001, s.86.

11. ANTsRG, f.39, d.61, l.21.

12. ANTsRG, f.39, d.68, l.48.

13. ANTsRG, f.39, d.76, l.60-61ob.

14. ANTsRG, f.39, d.76, l.59ob.

15. Chtoby sokhranit' raspolozhenie Shamshadinova i ego plemeni, rukovodstvuyas' politicheskimi soobrazheniyami, kavkazskie voennye vlasti zachislili ego, bezgramotnogo polkovnika, v sostav lits, "sostoyashchikh pri voiskakh Kavkazskogo voennogo okruga", a v gody Pervoi mirovoi voyny prisvoili emu general'skoe zvanie. Sm.: ANTsRG, f.27, l.16ob.

16. Sm.: TsGIA Gruzii, f.1438, op.1, d.386.

17. ANTsRG, f. 39, d. 60, l.16ob.

18. ANTsRG, f.39, d.52, l.1.

19. "Baratov – pervyi tulumbash na Kavkaze. On lyubit vesel'e. Ne p'et; tol'ko delaet vid, chto p'et. On ochen' nakhodchiv, ostroumen i vokrug nego za stolom podlinnoe vesel'e" – tak vspominala gazeta "Chasovoi" o neordinarnom kachestve boevogo generala. Sm.: General Baratov - gazeta "Chasovoi", №103-104, mai 1933. s.25.

20. ANTsRG, f.39, d.58, l.10-10ob.

21. ANTsRG, f. 39, d. 67, l.40.

22. Khotya, esli sudit' po date telegrammy komandira Persidskoi kazach'ei divizii barona Maidelya ot 12 fevralya 1917 g., general Baratov zimoi 1916-17 g. goda vse eshche nakhodilsya v Kazvine. Sm.: Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv, fond 13185, opis' 3, d.48, l.17, 57 (dalee: RGVIA).

23. Kak izvestno, dlya zakhvata Khanekina po pros'be angliiskogo pravitel'stva byla provedena Kerind-Kasreshirinskaya operatsiya. Ona dolzhna byla oblegchit' polozhenie britanskogo otryada generala Charlza Taunsenda, okazavshegosya v plotnom okruzhenii turok v Kut-el'-Amare. Ekspeditsionnyi korpus generala N.N.Baratova, deistvovavshii v Irane, 5 (18) aprelya 1916 goda udaril vo flang 6-i turetskoi armii, protivostoyavshei britanskoi ekspeditsionnoi armii. 8 (21) aprelya chasti korpusa generala Baratova zanyali Kerind i Kasre-Shirin, a zatem, razvivaya nastuplenie na bagdadskom napravlenii, osvobodili ot turok Khanekin, vstupil v predely Mesopotamii. Sm.: Vikipediya, <http://ru.wikipedia.org>. No kak stanovitsya yasno iz pis'ma Smirnova, korpus Baratova ne stal prodolzhat' svoe nastupatel'noe deistvie poskol'ku, ne uvidev so storony anglichan vstrechnogo dvizheniya, komandiru Korpusa bylo prikazano priostanovit' nastuplenie i zakrepit'sya k zapadu ot Kasre-Shirina. A letom 1916 g. Ekspeditsionnyi korpus byl okonchatel'no vyveden iz Mesopotamii.

24. ANTsRG, f.39, d.77, l.l.4-6.

25. ANTsRG, f.39, d.77, l.7.

26. Rech' idet o Pervom kraevom s'ezde Kavkazskoi armii, nachavshem svoyu rabotu 23 aprelya 1917 g. v Tbilisi. Kak izvestno, Fevral'skaya revolyutsiya, oznamenovavshaya soboi konets samodержaviya,

vyzvala moshchnoe brozhenie v armii, kotoroe kosnulos' i Kavkazskoi armii. Na mestakh stali sozdavat'sya soldatskie komitety, kotorye ostranyali ot komandovaniya chastyami nezhelannykh dlya nikh ofitserov. Tem samim byl podorvan printsip edinonachaliya v armii. V poryadke dnya Kraevogo s'ezda byli mnogie zlobodnevnye voprosy, kasayushchiesya tekushchego momenta i taktiki, voiny i mira, otnosheniya k Vremennomu pravitel'stvu, agrarnomu i natsional'nomu voprosam, Uchreditel'nogo sobraniya i vremeni ego sozyva. Odnim slovom, vse vokrug trebovali prav, no pri etom ne khoteli brat' na sebya nikakikh obyazannostei. Po soobshcheniyu glavnokomanduyushchego Dobrovol'cheskoi armii A.I.Denikina, "demokratizatsiya" armii ili "Prikaz №1" nanesla sokrushitel'nyi udar po sisteme edinonachaliya v armii, v rezul'tate kotorogo fakticheskaya vlast' v armii byla peredana v ruki tak nazyvaemykh "soldatskikh komitetov". Sm.: A.I.Denikin. The Russian Turmoil. Memoirs: Military, Social and Political. Westport, Connecticut: Hyperon Press, INC., 1973, p.59-61. Mezhdru prochim, o tom zhe s sozhaleniem pisal v svoikh vospominaniyakh byvshii rotmistr Persidskoi kazach'ei divizii S.Butsalel', ukazyvaya na razval armii i razgulyavshuyusya anarkhiyu v Rossii: "Blagodarya revolyutsii i prikazu №1-yi soldatnya nachala prevrashchat'sya v neopisuemuyu rvan', nechego bylo i dumat' o prodolzhenii voiny. Imperatorskaya Velikaya Rossiya katilas' v propast'...". Sm.: S.Butsalel' III. Vospominaniya o sluzhbe v Persidskoi kazach'ei ego velichestva shakha brigade" – "Nashi Vesti", №434/2735, s.15.

27. ANTsRG, f.39, d.75, l.56ob.-57. Sleduet zametit', chto general Baratov ne poshel naperekor bol'shevistskoi vlasti, potrebovavshei vyvoda russkikh voisk iz Irana. Otvod chastei Ekspeditsionnogo korpusa, soglasno telegramme Baratova na imya barona Maidelya ot 18 dekabrya 1917, nachalsya uzhe zimoi togo goda. Sm.: RGVIA, fond 13185, opis' 3, d.48, l.174.

28. Sleduet zametit', chto general Baratov vmeste so shtabom Ekspeditsionnogo korpusa raspolozhilsya v Kazvine eshche 1 noyabrya 1915 g., a k 20 noyabrya togo zhe goda russkie voiska zanyali vse iskhodnye punkty dlya nachala nastupatel'noi operatsii na pozitsii protivnika. Sm.: A.G.Emel'yanov. Persidskii front. Berlin: Izdatel'stvo "Gamayun", 1923, s.22.

29. Imeetsya v vidu rossiiskii poslannik v Tegerane S.A.Poklevskii-Kozell, so stilem raboty kotorogo emu prishlos' poznakomit'sya eshche vo vremya svoei pervoi sluzhebnoi komandirovki v Iran v 1907-1914 godakh. Togda v svoikh "Zapiskakh vospitatelya persidskogo shakha. 1907-1914 gody" K.N.Smironov pisal o nem sleduyushchee: "Znavshie ego ran'she govorili, chto on nikogda do Persii ne rabotal i ne umeet rabotat', no v Persii, vo vsyakom sluchae, emu prishlos' rabotat' mnogo, i on s etoi rabotoi khorosho spravilsya. Sotrudnikom ego bylo ochen' trudno, t.k. rezhim byl nevozmozhnyi. U nego ne bylo opredelennogo chasa dlya obeda (inogda sadilis' za obed vmesto 8 chasov, v 11 chasov nochi), i, vernuvshis' pozdno iz gostei, on nachinal v tret'em chasu nochi zanimat'sya delami...". Sm.: K.N.Smironov. Zapiski vospitatelya persidskogo shakha. 1907-1914 gody", s. 40.

30. ANTsRG, f.39, d.62, l.22ob.

31. Sm.: Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv. Fond 2000, op.1, d.7749, l.5.

32. ANTsRG, f.39, d.62, l.25ob.

33. ANTsRG, f.39, d.67, l.41.

34. ANTsRG, f.39, d.63, l.30.

35. ANTsRG, f.39, d.68, l.49ob.-50.

36. Soglasno izvestnomu uchastniku Konstitutsionnoi revolyutsii 1905-1911 gg. v Irane Khasanu Tagi-zade, Amir Kheshmet odno vremya byl nachal'nikom voiska provintsii Azerbaidzhan i glavoi modzhakhedov, borovshikhsya protiv storonnikov otstranennogo ot vlasti Mokhammad Ali-shakha – Samad-khana Shodzhi od-Doule i russkikh voisk. V nachale 1912 g. posle ponesennogo im porazheniya Amir Kheshmet vmeste s gruppoy modzhakhedov bezhal v Salmas, a ottuda v Urmiyu, posle chego ukrylsya v pograničnoi turetskoi kazarme. Po svedeniyam zhe Khoseina Kazem-zade, on nashel pribezhhishche v Salmase u turetskogo pograničnogo komissara. Sm.: Eduard Braun. Namekhai az Tabriz. Tardzhome-ie Dzhavad Khasani. Tekhran: Sherkat-e sakhami-ie ofset, 1351 (1973), ss. 121, 167.

37. ANTsRG, f.39, d.63, l.30ob.-31ob.

38. Kapitan General'nogo shtaba V.D.Kargaleteli (ili Kargareteli), kak izvestno, byl starshim ad'yutantom shtaba 1-oi Kavkazskoi kazach'ei divizii, i kak vidno, i v Ekspeditsionnom korpusse generala Baratova vypolnyal skhozhie funktsii. Sm.: F.I.Eliseev. Reid sotnika Gamaleya v Mesopotamiyu v mae 1916 goda, s.9. Soglasno zhe A.G.Emel'yanovu, vo vremya nastupleniya v aprele 1916 goda na Khanekin Kargaleteli, kotorogo nazyvali "zlym geniem Baratova", odno vremya ispolnyal dolzhnost' nachal'nika shtaba Ekspeditsionnogo korpusa. Po mneniyu etogo zhe avtora, vinu za neudachu nastupleniya v napravlenii Bagdada togda nespravedlivo pripisyvali Kargaleteli. Sm.: A.G.Emel'yanov. Persidskii front (1915-1918). Berlin: Izdatel'stvo "Gamayun", 1923 g., s.87. Kstati, eto tot samyi V.D.Kargaleteli, kotoryi posle okonchaniya svoei sluzhby na Severnom fronte vernulsya na Kavkaz, otkuda s nebezyzvestnym Budu Mdivani neozhidanno poyavilsya v lagere Kuchik-khana Dzhangali v Reshte.

O nikh, kak o "dvukh agressivnykh kommunistakh", upominaet v svoikh vospominaniyakh angliiskii politicheskii ofitser S.Dzh.Edmonds. Sm.: C.J.Edmonds. East and West of Zagros. Travel, War and Politics in

Persia and Iraq, 1913-1921. Edited and with an introduction by Yann Richard. Leiden-Boston: Brill, 2010, p.304.

39. ANTsRG, f.39, d.67, l.41.

40. ANTsRG, f.39, d.68, l.49ob.

41. ANTsRG, f.39, d.72, l.34-34ob.

42. ANTsRG, f.39, d.68, l.49ob.

43. Sleduet zametit', chto V.F.Kirsanov prorabotal v dolzhnosti vitse-konsula v Mosule ne menee pyati let. Sm.: Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv. Fond 1300, Otdel OGENKVAR 1864-1918 gg., opis' 1, dd.1307, 1503.

44. Delo v tom, chto v to vremya na dolzhnosti konsulov, vitse-konsulov, a poroi i sekretarei General'nykh konsul'stv v Turtsii i Irane neredko naznachalis' ofitsery General'nogo shtaba, kotorye, poluchiv grazhdanskie chiny, na samom dele ispolnyali rol' neglasnykh voennykh agentov. Posle zaversheniya sluzhby po linii MIDa, kak obychno, oni vozvrashchalis' k svojim pryamym voinskim obyazannostyam.

45. ANTsRG, f.39, d.62, l.23.

46. ANTsRG, f.39, d.72, l.33.

47. ANTsRG, f.39, d.62, l.26.

48. Soglasno Arnol'du Vil'sonu, tak nazyvaemye "politicheskie ofitsery" v britanskoi armii "byli povsyudu priznany, kak pryamyie posredniki mezhdru armiei i naseleniem". Sm.: Arnold Wilson. Lieutenant-Colonel, Sir. Loyalties. Mesopotamia. 1914-1917. A Personal and Historical Record. Oxford University Press. London: Humphrey Milford. 1930, p.143. Esli zhe byt' bolee konkretnym, to pryamoi obyazannost'yu angliiskikh "politicheskikh ofitserov" bylo vedenie agenturnoi razvedki. Sm.: Eliseev F.I. Reid sotnika Gamaleya v Mesopotamiyu v mae 1916 goda, s.16.

49. Amir Afkham – khamadanskii gubernator i pomeshchik (zdes' i dalee primechaniya Smirnova).

50. Amir Afshar – glava afsharskogo plemeni v raione Zendzhana.

51. Bolkhovitinov – ispolnyayushchii obyazannosti nachal'nika shtaba Kavkazskogo voennogo okruga.

52. Prozorkevich – komandir Persidskoi kazach'ei brigady.

53. ANTsRG, f.39, d.70, l.51.

54. ANTsRG, f.39, d.62, l.26.

55. Tam zhe, l.28.

56. Tam zhe, l.27ob.

57. ANTsRG, f.39, d.63, l.30ob.

58. ANTsRG, f.39, d.72, l.35ob.-36.

59. ANTsRG, f.39, d.62, l.28.

60. ANTsRG, f.39, d.62, l.22.

61. Dama v chernom – fran. ANTsRG, f.39, d.62, l.24.

62. ANTsRG, f.39, d.62, l.27ob.

63. ANTsRG, f.39, d.62, l.26ob.

64. ANTsRG, f.39, d.64, l.38ob. Na samom zhe dele, vopros proryva chastyami Ekspeditsionnogo korpusa generala Baratova turetskoi blokady ne byl reshen ne po prichine "zapozdalosti" nachala nastupleniya russkikh voisk, a iz-za otsutstviya u nikh glubokogo tyla i otdalennosti ot osnovnoi bazy snabzheniya – Enzeli.

65. ANTsRG, f.39, d.64, l.39ob.

66. ANTsRG, f.39, d.67, l.40-40ob.

67. ANTsRG, f.39, d.67, l.40ob.

68. ANTsRG, f.39, d.66, l.44ob.

69. ANTsRG, f.39, d.66, l.45ob.

70. ANTsRG, f.39, d.68, l.48ob.

71. ANTsRG, f.39, d.68, l.23.

72. RGVIA, fond 2000, opis' 1, d.7749, l.21.

73. RGVIA, fond 2000, opis' 1, d.7749, l.23.

74. ANTsRG, f.39, d.70, l.51ob.

75. ANTsRG, f.39, d.64, l.39ob.

Письма К.Н.Смирнова с Кавказского фронта 1914–1917 гг.

дело 52

[Камарли], 19 декабря 1914 г.

Дорогая моя, бедная Ксенюшка!

Сейчас получил твою телеграмму о том, что в Тифлисе нельзя оставаться и страшно встревожился [1]. Воображаю какая сейчас паника, как все переполнено и как трудно уезжать. С твоим здоровьем это особенно трудно, и я очень боюсь за тебя. Ведь доктора тебе рекомендуют покойную жизнь, а разве-же это покойная жизнь. Бедная моя, бедная. Как ты измучаешься со всем этим! Не дай Бог, это окончательно подорвет твои силы!

Я очень угнетен всем этим и негодую на наше начальство, допустившее такую катастрофу [2]. Бедную маму тоже, конечно, очень жаль, но все-же я за тебя больше беспокоюсь. И зачем приезжала сюда Е.Н. [3] Ведь говорил-же я, что в случае войны Тифлис не такое место, чтобы приезжать туда. Бедной старухе теперь тоже надо бежать и самой ей трудно, да и тебе прибавляет заботу. Я представляю себе, как тебе трудно: надо ведь раздобыть из сберегательной кассы или текущего счета денег (воображаю, что делается в банке), хоть как-нибудь сложить вещи, что можно пристроить, если уже не поздно, уложиться в дорогу и все это бедной тебе приходится делать. Это и сильному человеку трудно справиться. К сожалению, и Мая слаба.

Коблянская, вероятно останется. Ей нечего особенно беспокоиться. Ведь она собственно турчанка. Как объяснил мне Шамшадинов [4], в Аджарии, как в Осетии, одни православные, другие родственники из мусульман, одни считаются грузинами, другие турками. Вот из таких-то жена Фейзуллы-Бека Коблянского. Может быть это знакомство теперь будет полезно.



Фото 3. Аль-Ашреф-бек Шамшадинов, генерал-майор. Родоначальник курдского племени Зилянлы, 1914 г.

Ты первым делом хотела приехать ко мне. Спасибо тебе, дорогая, но нельзя этого [делать]. Мы должны выехать в Игдырь и если даже нельзя будет нам ехать в Турцию, как предполагалось раньше, все-же, по-моему, необходимо в настоящее время держать Ш[амшадинова] поближе к штабу корпуса. Ведь народ тут неверный и всегда можно придать чего-нибудь в здешних краях. У меня очень беспокойно сердце, что я здесь, а казаки в Рамазанкенде. Между тем, из-за почты и телеграфа сегодня приехал и пробуду здесь до послезавтра, т.к. надо писать почту и жду ответа на телеграмму.

Собственно говоря, я, как это не грустно, сознаться, приехав из Персии и взглянув на то что делается, в душе тогда-же решил, что Кавказская армия уже разбита. Так собственно и случилось, но надеюсь, что успеют поправить дела Берхманов [5], Баратовых [6] и проч. милых людей. Не без вины и наше отделение [7]. Дай Бог, чтобы приняли меры против

случившейся катастрофы, да прислали бы дельных людей. Ведь нельзя все петь аллаверды и надеяться на дух Кавказской армии.

Что буду лично я делать в случае восстания здесь, я положительно не отдаю себе отчета, но надеюсь до тех пор успеть выбраться в Игдырь. Надеюсь, что здравый смысл и счастье не изменят мне и верю, что все что не делается, к лучшему. Но главное, главное это ты моя ненаглядная. Хорошо, что у нас нет детей, а то еще больше было бы заботы. Е[лизавете] Н[иколаевне] передай мои добрые пожелания, счастливого пути.

Но знаешь, моя дорогая, мне все-таки не жаль, что мы уехали из Тегерана. Подумай, каково было-бы там переживать такие грустные известия и бывать при этом при дворе, а главное, чтобы с нами ни случилось, а наш долг был вернуться в Россию.

дело 54

Камарли, декабрь 1914 г.

[В самой верхней части письма рукой автора приписано: Если увидишь Ардатова [8], то скажи ему, что если до нового года Ш[амшадинову] не дадут денег и не вытребуют нас в Игдырь, буду просить, чтобы меня отозвали. Я не хочу быть в таком невыносимом положении. Каждый день приезжают всадники в надежде, что им дадут денег на содержание лошадей, а денег все нет. Ведь это же не Персия! Нельзя же обманывать народ.

Дорогой мой Кисочек!!

Получил твои письма от 23 и 24-го. Я тобой очень доволен, ты умная. Сегодня получил от мамы два письма и в них о тебе следующие фразы: «Спасибо ей, любезна ко мне». «Спасибо ей, очень была внимательна и хлопотала если можно устроить мой отъезд». А я тебе очень благодарен, что ты исполнила свой долг. Молодец. Слава Богу, что физические силы не оставили тебя, а за твой дух я всегда спокоен. Курды, приехавшие сегодня говорили, что в Игдыре, в Штабе [имеется в виду штаб IV корпуса – Н.К.Тер-Оганов] меня ждут, я же...

дело 58:

Диадин, 15 января 1915 г.

Дорогая моя Ксенюша!

Приехали мы в Диадин. Грязь всюду ужасная. Все страшно загажено. Следовало-бы сюда побольше карболки, сулемы и проч. и назначить особые санитарные отряды для чистки. Естественно, что где проходит такая масса животных и людей чистоты быть не может и весной обязательно должны начаться заболевания. Уже и теперь начался сыпной тиф, пока в виде единичных случаев. С нами едут два представителя союза городов [9] Тамамшев, а другой – грузин, оба присяжные поверенные, я обращаю их внимание на эту сторону дела, а если тебе придется видеться с какими-нибудь благотворителями, то обрати ты тоже внимание их на это. Поздно будет когда хватит холера, повальный тиф и т.п. До сих пор раздевался на ночь; после Диадина верно уже не придется. Дела идут очень хорошо. Население, узнав о приезде Ш[амшадинова], со всех сторон сходится на поклон и даже начали сдавать оружие. К сожалению мародеры натворили много бед. Особенно земляки Петра Петровича (кубанские казаки) из того города откуда и Доброхотов (из Асхабада). Многие будут богаты, но кругом нищета. Удивляюсь бессовестности людей. У Ш[амшадинова], конечно, тенденция защищать исключительно своих и мне приходится умерять его пыл, напоминая каждую минуту, что и его соотечественники не ангелы и что это война. К сожалению, мне не придется купить курдских паласов, т.к. в моем теперешнем положении это неудобно. У самих курдов нет ничего, а все в руках казаков и армян. Вероятно, пробудем здесь дня три и поедем в Каракилису. Население все разбежалось, да его много и не было, а потому, по-моему, можно особенно тут не засиживаться, а лучше поскорей приехать в Игдырь, чтобы выяснить скорей дальнейшее положение Ш[амшадинова], а вместе с тем и мое. Перед этим ночевали на этапе в Бубу, в землянке, но у коменданта была и икра и коньяк и сравнительные удобства. Очень милый старичок, Страдовский. Он бывший измайловец и теперь уже 30 лет был в отставке. Курды его целуют в руку, а он за них стоит горой и на днях получил даже разнос от начальства. Любит выпить, но видимо человек хороший [10].

Начальник округа Татиев, которого мы привезли сюда, как-бы водворять с курдами, никогда дел не имел. Служил раньше по администрации, а теперь поступил из отставки. Здешний район почти все из отставных, начиная с командира корпуса (IV кав[казский].корпус). Сегодня у нас завтракали н[ачальни]-к округа и представители союза городов. Съели foie-gras [11], ели сардинки, сыр, масло; коньяк у меня был тоже. Был шашлык и бараний суп, а у Ш[амшадинова] оказались конфеты. У меня вчера кончился запас сладостей, консервы и немного выпивки, есть еще на один такой завтрак в Каракилисе, куда мы тоже будем водворять н[ачальни]ка округа. Я здоров, но вчера чувствовал себя не совсем хорошо, т.к. Диадин на высоте 6.400 футов и немножко первое время тяжело дышалось, а сегодня привык уже. Кроме того, от черного хлеба раздувает живот и принимаю т[ак] назыв[аемый] порох. Во всяком случае, всюду можно достать хороший черный хлеб и солдатский обед, хотя пока к этому редко прибегали, но хлеба другого нет.

Будь здорова, моя дорогая Кысочка! Я тебя очень люблю и крепко, крепко тебя целую. Когда-то мы с тобой увидимся!

Твой верный К.

Дело 59:

Игдырь, 27 сентября 1915 г.

Дорогая Ксенюша!

Еще продолжаю сидеть в Игдыре [12]. Сегодня утром мне должны были привести трех лошадей, но надули и ничего не привели, и я остался из-за этого. Тут сейчас армянские дружины, Дро [13] и всякая такая публика, так что лошади на расхват..

Пятый день холеры в Игдыре почти (...) совершенно и даже наоборот армянские дружинники приходили вчера к доктору с запором.

Дело 60:

Баязид, 5 октября, [19]15 г.

Только что прочел твои два письма от 28 и 29 сент[ября]. Получил-то я их часа на полтора раньше, но не мог тотчас прочесть, т.к. как раз была получена телеграмма, что курды, видимо в отместку за экспедицию, лишившую их скота, отогнали 800 голов из Арзина и оттуда просили помощи команды, завязавшей перестрелку. В 4 1/2 часа, т.е. к вечеру пошла сотня, а я уже поеду, если действительно казакам удастся отразить курдов. Возьму тогда команду пехоты и пойду на помощь (пока писал эта сотня уже вернулась, констатируя, что 3 часа тому назад скот уже прогнали на Арарат и ничего больше нельзя сделать).

Сегодня завалили телеграммами – от Мдивани (нач. Штаба IV корпуса) было три телеграммы. Вообще работаю целый день с 9 утра до 9 вечера и только днем часа два бывает затишье. Пока работа довольно интересная и требующая энергии. Экспедиция под Арарат (под начальством Бежин-бека), заключающаяся в угоне большого количества скота, кончилась и курды стараются отомстить. С уходом экспедиционного отряда приходится расхлебывать мне. Ховен (Барон Н.Н. фон-дер-Ховен, нач. Баязидского округа) сегодня проехал в Диадин.

К сожалению, я не совсем здоров. Несколько дней уже мой желудок не принимает почти никакой пищи, лучше переносит сгущенный кофе, но аппетит есть и силы есть, только от времени до времени ослабеваю. Сегодня после обеда напала слабость, озноб и, по моему, нечто вроде жара, что продолжалось часа два. Очевидно, малярия. Доктор хотя и слабый, но все же кое-что должен смыслить. Он говорит, что это время возобновления малярии у всех, у кого она есть. И как нарочно, не взял я термометра. Капсюли от поноса приходят к концу, хины тоже много потребил. Когда будешь снаряжать посылку, положи того и другого. Теперь я занимаюсь вывозом сена, находящегося близ Арарата, и принадлежащего враждебным курдам. Занимаются этим обывательские ишаки, а конвой – казаки, солдаты и армянские добровольцы. Ведь у меня несколько десятков этого сброда из здешних армян, вооруженных ружьями.

[Баязид], 6 октября [1915 г.]

Не было ведь начальников округов [14] и обходились, как завели, начальство надоедает, то секретные пакеты, то телеграммы и простые, и шифрованные. Поверишь-ли, сейчас 9 1/2 часов вечера и я только сейчас освободился, начав в 9 утра. Много было и писанья. Работа, по характеру, скорей консульская. Разбирал тяжбу через переводчика, говоря по-французски, по-персидски, поговорил с купцом, приехавшим из Персии, прочел персидское письмо Оводжикского хана, принял баранов, пригнанных курдами мирными (разбойники не могли угнать и оставили в болоте) и подарил для поощрения 5 рублей...

Если будет так продолжаться и развиваться дело, то я не знаю, как я буду справляться. Скучать совсем нет времени. Я все время о тебе думаю, моя дорогая, но с особенной остротой чувствую нашу разлуку, когда растянусь в постели на твоей подушечке и вспомню, что теперь, раньше чем заснуть, мы бы крепко пожали друг другу руки.

Очень мне бы хотелось, чтобы ты приехала, но я уже не знаю, как это будет. Во-первых, спросить бы разрешения, чтобы на чистоту, без придинок, да может быть не разрешат, так что лучше уж прямо приехать без разрешения через Маку. Жаль, что у тебя нет ценза сестры милосердия, у Маруси есть и ей это не надо, а тебе бы пригодилось. Во-вторых, тебе жизнь будет тут не веселая, раз я целый день занят, правда почти целый день в комнате соседней со спальней, но каково будет тебе сидеть большую часть дня в спальне. С другой стороны, едва ли меня отпустят съездить, так как некому сдать дела. Командир сотни не такого сорта человек, чтобы его можно было надолго оставлять за себя. Посмотрим, что Бог даст, как-нибудь устроится, только и ты со своей стороны думай и хлопочи что-нибудь.

Между Маку и Баязидом сейчас без большого конвоя человек не менее пятнадцати ездить рискованно. Кроме того, военное положение вероятно определится через недели две, т.к. по моим сведениям, дней через десять турки по всему фронту проявят деятельность.

Здоровье мое сегодня немножко лучше, чем вчера, но все же неудовлетворительно. Сегодня не лихорадило, хину принимаю два раза в день, но отношение желудка к пище все то же. Слабит понемногу в день раз пять, раз в ночь тоже приходится вставать. Принимаю три капсулы в день, два раза в день капли кондурного [15]. Ром, галеты, немного супа, чай, сгущенный кофе, немного шоколада. К удивлению моему, пока по-моему, не похудел и есть силы работать. Завтра собираюсь ехать в Арзап (часа 2 пути). Ты, моя дорогая Ксенюшка, не беспокойся и не преувеличивай, я пишу тебе свои заботы, зная, что ты относишься благоразумно к явлениям жизни. Во всяком случае, слава Богу, что попал в Баязид, а не в другое место и комфорту больше и ближе, в случае разболеюсь, так и выбраться нетрудно. Вторую и последнюю банку кофе пускаю в ход, а сухой кофе наполовину испортили мыши, которых здесь очень много. Но есть кошки, которые иногда приходят и ловят.

Нашли угли и самовар, стал действовать на славу. Вот только темно работать по вечерам, а потому пиши, пожалуйста, письма свои более четким карандашом.

Ящик с патронами еще не нашелся, неприятность может быть разве за то, что отправлен не в специальном вагоне для взрывчатых веществ, но ведь это было бы смешно.

Милая моя, дорогая Кисочка, я очень благодарен тебе за письма и очень они мне интересны. Вот, к сожалению, я не умею писать хороших писем. Будь здорова моя радость, носи свое синее шелковое платье и пальто, франти на здоровье. Ты мой друг. Доходят ли до тебя письма!, а пишу я тебе с каждой почтой. Крепко тебя обнимаю и целую, целую много много раз твои руки. Твой верный и горячо любящий тебя К. Скажи маме, что я ее целую.

Дело 61:

Баязид, 19.X.1915 г.

Дорогая моя Ксенюшечка!

Сейчас получил твое письмо от 14-го, в котором ты советуешь мне не принимать близко к сердцу. Я сам не ожидал, что я так хладнокровно буду ко всему относиться, вот только сейчас первый раз за все время серьезно возмутился.

Вчера задержали караван из 36 верблюдов, по-видимому, с награбленными вещами из Вана. Я разобрал дело и сегодня решил их отправить в Игдырь, чтобы там полиция с армянским комитетом совместно разобрали бы и отдали бы вещи по принадлежности.

Чтобы с дороги караван не свернул куда-нибудь и вещи бы не пропали, в Карс послал двух казаков, а дальше конвой должен был дать комендант этапа. Вдруг казаки возвращаются с известием, что английский офицер с погонами хорунжия и с бандой армян в 25 человек насильно повернул караван в Ван, а мне прислал с казаками записку по-английски, что, мол, мы захватили верблюдов по приказанию полковника Термена – (...ванский округ – Алфред Иосифович Термен – восточник, брат Ричарда Иосифовича) и повернули их на Ван. Из всего я понял, что эта банда американских армян, которых с таким восторгом набрал этот кретин [16] Термен. Я ужасно возмутился и протелеграфировал в Кизил-Дилу Страдовскому, что прошу арестовать самозваного офицера и передать его в распоряжение Термена, а Мдивани (начальник штаба корпуса) протелеграфировал все как было с просьбой о предании суду виновных, позволивших себе с силой вернуть караван, шедший с воинской охраной.

Милый мой Кысочек, как хорошо ты снарядила посылку мне с какой любовью, спасибо тебе большое. Когда было расстройство, я все время носил набрюшник и почти все время ношу шерстяные носки, так что, пожалуй, мне эту зиму не хватит. Когда приедешь, то привези мне пары две. Сейчас принимаю колдуранго и избегаю есть черный хлеб. Вот, подиж ты хлеба я совсем не ем – две галеты и ..., масла тоже, потому, что нет. Больше недели было расстройство, а похудеть не похудел, и живот по-прежнему большой. Все равно, значит, есть такие и проч[ие] вещи или нет.

Сообщи свои впечатления о Наташе. Да, моя детка, 8 лет, как мы сели в карету и только можем сожалеть, что не удалось нам просидеть все 8 лет без перерывов вроде настоящего.

Сегодня у Трофима голова не болит, и жару днем не было, так что я думаю, что это не тиф. Старшего писаря тоже лихорадило, но он сам знает, когда принимать хину. Очень толковый человек, все очень обстоятельно делает, как будто бы не хохол, а немец. Милая, милая Ксенюшка! Я тебя очень, очень люблю. Как я рад той почте, с которой приходит письмо от тебя. Будь здорова, моя дорогая.

Сейчас получил ответ на мое представление, позволить приезд жены почмейстера. Корпусный командир отказал. Таким образом, нам с тобой надо будет с особой осторожностью проделать это дело.

Будь здорова, моя Кысочка! Крепко целую твои ручки. Твой верный К.

Иногда я начинаю письмо вечером, а посылаю днем, почему бывает два числа сверху и снизу. Je táíme. 20.X.1915.

Дело 62:

Казвин, 22.XI. 1915 г. [17]

Дорогая Ксенюшка!

Как все на свете переменчиво. Никогда не был знаком ни с одним англичанином и ограничивался самыми официальными отношениями, а теперь англичанки каждую минуту Кептен Смирнов, да Кептен Смирнов, английские дети на улице, издали увидев меня, кивают головой, а мистеры с приятной улыбкой жмут руки. Один только Солон (английский консул, эвакуированный в Хамадан) все такой же сдержанный и мрачный, каким был в Тегеране.

Что англичане, третьего дня у меня в комнате сидел Гришка Ефремовский сподвижник и не только я, но и Баратов жали ему руку.

Впрочем у меня-то публики много всякой бывает и приходится пожимать много честных быть может, но грязных рук, так что сулемовое мыло в полном ходу и от частого мытья скоро потрескаются руки.

Образ жизни ведется у нас самый безобразный, вроде как при Поклевском, которого своей обходительностью напоминает и Баратов. Спать никогда не ложимся ранее полуночи, обедаем и пьем чай в самое разнообразное время. Вчера был спектакль и вечер, во время которого пришла телеграмма от В[еликого] Кн[язя] о том, что Баратов получил Георгия. Поэтому вечер был особенно оживленный. Ярош (инженер, начальник шоссеиной дороги Энзели-Тегеран) была фокусно одета, прическа и сильно намазана. Интересная женщина, но пошиба, конечно, не важного. У них недавно родилась дочь. Дамы на этот раз были в платьях, и некоторые в открытых, мужчины – во фраках. Мне очень нравится Кирсанов

(военный агент в Мосуле), он совсем шикарный дипломат и слегка напоминает мне Саблина. Он не предполагает возвращаться на военную службу и хочет совсем переходить в М[инистерст]-во иностр[анных] дел. Madame Кирсанова тоже мне очень нравится, я люблю такого типа дам, но не думаю, чтобы она была удобной женой, хотя ездит всюду с мужем. Она левантинка, кажется, одета была очень просто в темно-зеленое шелковое платье с слегка открытой шеей и весьма простого фасона, но видно, что эта дама хорошего общества. Курит, ездит верхом и вообще любит проявлять мужество, что собственно говоря, я не люблю в дамах, но это теперь в моде в подражание англичанам.

Еще видная дама была жена к[оманди]ра пограничного полка Баронесса Медем, говорит на иностранных языках и танцует ту-стэп. Познакомился с Madame Шатиловой (офицер пограничной стражи), женой того, который очень хотел попасть в Камарли к Шамшадинову. Дама некрасивая, у нее уже сын кадет по болезни околачивается здесь. Больше разговаривал с англичанками, [не] здешняя рожа, а хамаданская, не молода, но на вечер подправилась так, что хоть-куда, на ней было хорошее, но старомодное (такое, как у тебя было года 4 назад черное платье) розовое платье, ноги стройные и она ее усиленно покалывала, так как с известной тебе в иностранках бережливостью к платью, длинный хвостик все время держали в руках. Здешняя англичанка вспоминала, какая ты была интересная в английской миссии *Le Dame en noir*. И когда-то мы опять будем вместе, моя дорогая!

Я ушел с вечера в 2 часа после того, как кончилась лезгинка, кабардинка и т.п. Прислали всех лучших танцоров горско-моздокского полка, которые танцевали под большую гармонию, неистово гикали и хлопали в ладоши. Но действительно, я ничего подобного до сих пор не видал: ходят на носках прямо-таки как балерины, а один танцевал с шестью кинжалами (2 в зубах, 2 за шиворотом и 2 в руках) и в заключение колесом перевернулся с кинжалами в зубах и за воротником.

Хорунжий Аверьянов проделал свой номер с пятью кинжалами. Компания, оказывается, осталась ужинать, я же не знал, что будут чествовать Баратова и ушел в 2 часа. Оно, конечно, и спокойнее, но все же нелюбезно со стороны тех, кто это затеял. Должно быть Каргаретели [18] (офицер Генерального штаба) распоряжался этим; человек не дурной, умный (кончил университет), но большой хам, хотя и служил в гвардейском Литовском полку. Он меня снобировал и видимо зазря, а я не обращаю никакого внимания. Ночью вернулись с криками ура, оказалось, что это был уже 7-й час утра. Недавно одного из адъютантов из соседнего флигеля принесли мертвецки пьяным и когда его несли, то его рвало. Одним словом, лихая кавалерия.

[Казвин], 25/XI [1915 г.]

Сегодня Баратов с Каргаретели и Черкасовым (Барон Черкасов – бывший консул в Керманшахе, эвакуировавшийся в Казвин) уехали поближе к позициям, т.к. на хамаданском направлении начался бой. Уже есть известие, что после 5 выстрелов из пушек персы бежали, очистив ущелье. Я занял телеграф с утра. Протесты не встретил и даже успел подружиться с начальником телеграфа шахзаде. Завтра хочу, если только найду, презентовать ему бутылку коньяку, т.к. он любит выпить. Молодые чиновники тоже были очень довольны, что не было шифрованных телеграмм. Завтра пойду проделывать демонстрацию на телефоне и на почте.

Послал поклон по телеграфу Коршунову и Сертипу Гензлеру (русские телеграфисты в Персии). Начальник конторы со своей стороны в министерстве донес, что пришел капитан Смирнов и установил военную цензуру.

Действительно человеческая глупость беспредельна. Шах спросил у Эттера (российский посланник), не я ли нахожусь при штабе Корпуса, и сказал, что желал бы меня повидать. Черкасов привез это известие, и все в этом усмотрели что-то важное. [В] ближайшем будущем поеду с Эрном или с Баратовым в Тегеран. Оба они хорошо относятся ко мне, милые люди, в особенности с Эрном мы хороши.



Фото 4. Генерал Баратов со штабом и гостями, Казвин, 1916 г. Губернатор Казвина Метхад од-Доуле, российский консул в Казвине Антипов и другие.

В нижнем ряду стоят: 1. Генерал Баратов (в светлой казачьей черкеске и папахе); 2. Золотарев (рядом с Баратовым в темной черкеске); 3. Губернатор Метхад од-Доуле (рядом с Баратовым в темных очках); 4. Сын губернатора (рядом с отцом); 5. Российский консул в Казвине Антипов (слева от Золотарева); 6. Гаев в форме консульского чиновника.

В верхнем ряду стоят:

7. Начальник штаба Экспедиционного корпуса полковник Эрн (в центре, между двумя офицерами); 8. Камуков (справа); 9. Петров, управляющий Учетно-ссудным банком в Казвине (в пальто); 10. К.Н. Смирнов в белой папахе рядом с Петровым.



Фото 5. На конном празднике. Казвин, 1916 г.

Справа, в светлой черкеске стоит генерал Баратов. Слева, в черном пальто сидит военный министр Ирана Сепадхар. Во втором ряду, ближе к нам стоит капитан Смирнов, а рядом с ним – чиновник российского консульства в Казвине Гаев (в темной фуражке). Чуть правее от них стоят члены российской дипломатической миссии в Тегеране Евреинов и Бах

Предложил Ярошу (начальник дороги), Гудару (заместитель управляющего банком), Антипову (консул), губернатору и англичанину самим дать списки, кого надо пригласить. Ярош был поставлен в весьма затруднительное положение, т.к. у них кажется много неподходящих супружить. Ничего пускай расхлебывают. К сожалению, пока я ездил по визитам, без меня сочинили приглашение и дали его литографировать. Такая ахинея! Французский текст пошел выработать к Антипову, но, в сущности, я лучше их по этой части оказался, только заставил француженку написать под диктовку. Чай пил я сегодня 10 раз и последний раз у англичан с кеком по случаю рождения маленькой Карлин, причем высказал надежду, что я буду когда-нибудь есть и ее wedding-cake [19]. На возвратном пути перехватили меня с арестованным, которого прислал Мамонов (офицер Персидской казачьей бригады) из Зенджана, затем отдал распоряжение переводчику по политической части, приостановил объявление о смертной казни, т.к., по-моему, его лучше не выпускать, и я спросил указаний по телеграфу. Я когда переводил, подумал, что не следовало писать об отравлении воды, и действительно персюки уже встревожились, [а] то это может навести на мысль злоумышленников, которые сами до этого бы не додумались. В заключение, как всегда, напечатали на машинке все собранные за день сведения, и теперь пишу тебе письмо. Вот видишь, как я тут провожу время. Целый день верчусь, как белка в колесе. Очень жаль, что ты далеко от меня, а сама по себе такая работа, когда чувствуешь, что ты нужен, очень приятно, несмотря на трудность. Какая собственно разница между настоящим моим положением и тем, когда я был на персидской службе. Тут чувствуешь свое значение, правда, создавшееся прежней службой в Тегеране. Но не знаю, чем объяснить чуткость персов – представь себе, еще никто не предлагал взятки, как это всегда делается в Тегеране. Знают ли, что я не возьму или вообще русские здесь не брали, не понимаю.

Будь здорова, моя дорогая. Крепко тебя обнимаю и целую. И когда-то мы заживем опять вместе!

Много раз целую твои руки. Твой верный К.

Казвин, XII.1915 г.

Сегодня я занимался делами светскими, политическими, разведывательными и полицейскими. Не правда ли разнообразная деятельность. Я побывал у восьми персов с целью сделать им эхвальпурею [20] от имени Баратова. Всюду меня ждали с целым дастарханом [21]. Здесь принято у персов подавать несколько сортов варений к чаю. Презабавные на вкус варенья. Был у четырех муджтехидов, двух принцев и у двух богачей.

Завтра продолжаю. Всем говорил приличную речь и передавал карточку Баратова. В числе этих персов есть и заведомые наши враги. Одновременно с этими комплиментами отдал в печать объявление Баратова о смертной казни за различные дела, и еще не опубликовали это объявление, как уже его обсуждали со мной. Затем был у английского консула из Хамадана, которого Баратов не пригласил ехать в Хамадан и послал потом меня выкручиваться – сказать, что с поднятием русского флага поторопились перед 6 декабря и что когда будут подымать английский флаг, то Б[аратов] опять поедет в Хамадан. Занимался также приглашениями на 6 декабря. Т.е. просто-таки я увидел, что все упустили из виду это обстоятельство и поправил дело.

Петровы (управляющий отделением Учетно-Ссудного банка в Казвине) уезжают завтра на месяц. Он весьма недурной и даже забавный человек, но весьма смешно, когда он с женой едут с помпой. Спереди конный гулям, и сзади 4 персидских казака. Вот уж действительно оба для этого посошные вышли.

Примечания к письмам:

1. В левом, верхнем углу рукой К.Н.Смирнова приписано: "Записную книжку получил. Отчего ты решила поехать во Владикавказ, там тоже много мусульман, лучше было бы в Ростов на Дону, Харьков или Москву".

2 К.Н.Смирнов имеет в виду захват турецкими войсками Аджарии в середине ноября 1914 года и последовавшее за ним восстание аджарцев-мусульман с целью поддержки турок. Кстати, о тревожной ситуации, сложившейся на Кавказском фронте после начала турецкого контр-наступления на Кавказ в декабре 1914 г. подробно рассказал на страницах своей книги англичанин М.Ф.Прайс. См.: М.Philips Price. War&Revolution in Asiatic Russia, p.58, 84.

3. Е.Н. – Елизавета Николаевна, мать супруги К.Н.Смирнова – примечание Н.К.Тер-Оганова.

4. Имеется в виду предводитель зиланских курдов Аль-Эшраф-бек Шамшадинов, состоявший на русской военной службе. Как известно, с ноября 1914 г. по февраль 1915 г. Смирнов был прикомандирован к Шамшадинову.

5. Речь идет о генерале Г.Э.Берхмане, командире 1-го Кавказского корпуса, а также Сарыкамьшского отряда, участвовавшего в Сарыкамьшском сражении (9 декабря – 4 января 1915 г. по старому стилю) – примечание Н.К.Тер-Оганова.

6. Автор письма имел в виду генерала Н.Н.Баратова, вступившего в Первую мировую войну в должности начальника 1-ой Кавказской казачьей дивизии – примечание К.Н.Тер-Оганова.

7. Имеется в виду Разведывательное отделение Штаба Кавказского военного округа – примечание Н.К.Тер-Оганова.

8. М.А.Ардатов, бывший сослуживец К.Н.Смирнова по Разведывательному отделению Штаба Кавказского военного округа – примечание Н.К.Тер-Оганова.

9. Автор письма имеет в виду "Всероссийский союз городов" (был образован в августе 1914 г.), который вместе с "Всероссийским земским союзом" проделал большую работу по организации тыла русской армии. См.: М.Philips Price. War&Revolution in Asiatic Russia, p.167.

10. Потом я узнал, что это большой авантюрист, имевший за собой чуть ни уголовное прошлое, но обладавший библейской наружностью. Кого только не встретишь на войне. Например, солдат, прислуживавший нам там же, кутаисец пошел как ополченец, у него два брата офицера и дядя полный генерал, а сам он едва говорит по-русски - примечание К.Н.Смирнова.

11. Жареная печенка – франц. – примечание Н.К.Тер-Оганова.

12. В верхнем, левом углу рукой К.Н.Смирнова приписано: "Ванна тут будет стоить 7 руб., прачка берет божеские цены, цыплята по 50 коп., так что за всем этим присылать буду в Игдырь".

13. Дро – Драстамат Канаян, член партии Дашнакцутюн, один из руководителей армянского освободительного движения – примечание Н.К.Тер-Оганова.

14. Речь идет о распространенной в период Первой мировой войны практике назначения русских военных лиц на должностях начальников округов, организованных на оккупированных территориях противника – примечание Н.К.Тер-Оганова.

15. Согласно Википедии, кондуранго это вид растения (лат. *Gonolobus condurango*). С начала века кондуранго применялось как специфическое средство против рака желудка. Однако клинические исследования не подтвердили специфичность кодуранго, как противоракового средства, но показали его высокую эффективность при тяжёлых формах катара желудка – смотри: <http://ru.wikipedia.org>.

16. Ну кретин, не кретин, но человек был очень странный и не очень симпатичный, как Ричард Иосифович. В конце войны он умер – примечание К.Н.Смирнова.

17. С ноября 1915 г. по март 1916 г. Смирнов служил в Казвине. См.: АНЦРГ, ф.39, д.77, л.7.

18. Следует заметить, что в других письмах К.Н.Смирнова встречаем иную форму правописания этой фамилии – Каргалетели, более распространенной в русской военной литературе и иностранных источниках исследуемого периода. Происхождение этой фамилии связано с грузинским топонимом, деревней Каргарети – примечание Н.К.Тер-Оганова.

19. Свадебный пирог (англ.) – примечание Н.К.Тер-Оганова.

20. Автор имеет в виду известное персидское выражение *ахвалпорси*, означающее нанесение визита или осведомление о состоянии здоровья кого-либо – примечание Н.К.Тер-Оганова.

21. Здесь: Дастархāн (перс.) – угощение – примечание Н.К.Тер-Оганова.

(Продолжение следует).

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
 Voennyi Sbornik
 Has been issued since 1858.
 ISSN: 2309-6322
 Vol. 6, No. 4, pp. 236-240, 2014

DOI: 10.13187/issn.2309-6322
www.ejournal6.com



UDC 93(460).087

The Spanish Mercantile Fleet and the “Council of Captured Ships”

Nicholas W. Mitiukov

International Network Center of fundamental and applied research, Russian Federation

Abstract

This work addresses the issue of the use of German and Astro-Hungarian ships interned in Spain as part of the “Council of Captured Ships”. The author examines the fate of six ships in the Spanish fleet which fit under this project. In conclusion, the author notes that through the example of the “Council of Captured Ships” we can see a violation of Spain’s strict non-involvement policy during World War I – more specifically, a violation of the internment regime. Note that corresponding pressure was brought to bear on Germany at the end of the war, when it already was unable to take either diplomatic or military countermeasures.

Keywords: World War I; Spain; non-involvement policy; internment; shipbuilding; steamship lines.

Введение

В начавшейся сто лет назад Первой мировой войне Испания сохраняла нейтралитет. В немногих публикациях советского периода об испанской истории подчеркивалось, что нейтралитет был скорее благожелательным для Тройственного союза. Лишь в последнее время, принимая во внимание глубокое проникновение капитала Антанты, прежде всего британского на рынки Испании утвердилось мнение, что испанский нейтралитет все-таки поддерживал военные и экономические интересы Антанты [1]. Однако аспекты военного сотрудничества Испании и Антанты и военного же противодействия Тройственному союзу комплексно в отечественной историографии пока не поднимались. Так имелись отдельные публикации о поставке испанских судов России [2-4]. Цель данной публикации заключается в рассмотрении одной из малоизвестной страницы Мировой войны – передачи части интернированных в Испании германских пародов под испанскую юрисдикцию, формально – факт нарушения нейтралитета.

Материалы

Материалами для написания работы послужили научные труды отечественных и зарубежных авторов по истории торгового флота Испании в период Первой мировой войны.

Результаты

В конце мировой бойни, Испания смогла убедить международное сообщество в том, что, несмотря на нейтралитет, она понесла большие потери в торговом флоте, из-за чего потребовала передачи под ее юрисдикцию интернированных на ее территории судов

Германии и Австро-Венгрии. В ответ Германия признала лишь один случай незаконного потопления испанской собственности – пароход «Сардинеро» (Sardinerо, 1897, 2151 брт) компании «Cía Vasco-Cantábrica de Navegación». Его потопила лодка U-48 23 февраля 1918 г. в рейсе из Нью-Йорка в Сете с грузом пшеницы для Швейцарии, несмотря на то, что рейс был предварительно разрешен немецким правительством.

В конце концов, было найдено соломоново решение, и под юрисдикцию Испании должны были передаваться пароходы «Эрифия» (Eriphia), «Эюфемия» (Euphemia), «Ольденбург» (Oldenburg), «Келио» (Kelio), «Тринфлед» (Trinfled), «Матильде» (Matilde) и «Рудольф» (Rudolf). Но против немедленной передачи выступили министр обеспечения испанского правительства и один высокопоставленный чиновник германского посольства. Суть их возражений сводилась к следующему – поскольку война еще продолжалась, передача указанных кораблей частным испанским компаниям может быть использовано ими против германских интересов. В связи с этим они требовали создания единого административного органа по управлению всеми судами, который контролировался бы германской стороной. Так 15 октября 1918 г. был создан Совет по управлению и администрированию захваченных судов (Consejo de Gerencia y Administración de Buques Incautados), практически полностью автономное образование в структуре Национального комитета по морским перевозкам. Немного позднее в Совет вошли представители посольства Германии, чтобы уточнить некоторые детали и отладить механизм работы [5, 6].

17 октября состоялась сессия Совета Министров, где в числе прочих заслушали вопрос о передаче Испании германских кораблей. Однако в докладе министра обеспечения значились уже шесть судов, примерно того же суммарного тоннажа, что и указанные ранее семь. В этот же день в Бильбао прибыли две специальные комиссии, где предполагалось осуществить передачу под юрисдикцию Совета указанных пароходов. Вероятно, Бильбао выбрали не случайно, поскольку именно там находилась «Эрифия», требовавшая ремонта машин.

В окончательной редакции договора, кроме «Эрифии» Испании передавались «Яворина» (Javovina), «Рома» (Roma), «Рига» (Riga), «Нюенфельс» и «Крефельд» (Crefeld). Однако передача оказалась не настолько простой, как предполагалось сначала. По крайней мере, существуют документы, датированные 27 декабря, указывающие на многочисленные трудности, исходя из которых можно утверждать, что к данной дате пароходы так и не были переданы в полном объеме. Вероятно, свою роль в этом сыграло и окончание войны, заставившее Испанию начать операцию по передаче победителям остальных интернированных судов.

В итоге, все оказавшиеся под испанским флагом суда получили наименования от «Эспанья-1» до «Эспанья-6». А созданный для их управления Совет в итоге подчинили с 20 августа 1920 г. Министерству развития. Все суда комплектовались командами, в основном из штата Трансатлантической компании.

Биография новоприобретений оказалась до предела разнообразной [5].

«Эспанья-1» (б. «Эрифия», 2043 брт, 3773 DW, длина 88,7 м, 1 вал, 9 уз.). Грузовое судно, построено в 1902 г. «A.G. Neptun» (Росток) для компании «DR Horn AG» (Любек). 3 августа 1914 г. вместе с «Эюфемией» во время рейса с Балтики с грузом леса для Бордо интернировалась в Бильбао. Передана Совету 19 октября 1918 г. В апреле 1924 г. передана «Compañía Vasco Cantábrica de Navegación» в счет возмещения убытков за потерю парохода «Сардинеро», из-за чего получило это наименование. В октябре 1933 г. продана судовладельцу Ф. Фьерро (Federico G. Fierro Ordóñez) и переименована в «Ита» (Ita). 31 июля пароход реквизирован республиканским правительством, 16 августа переименован в «Титан» (Titán) и затоплен в Уэльве 29 августа 1936 г. для блокирования фарватера. 5 сентября того же года поднят националистами и, после ремонта в Кадисе, под названием «Ита» временно использовался для военных нужд. В мае 1938 г. возвращен прежнему хозяину, который использовал его для разнообразных каботажных перевозок. Сдан на слом в Малаге в конце 1977 г.

«Эспанья-2» (б. «Яворина», 3387 брт, длина 105,4 м, 1 вал, 8 уз.). Грузовое судно, построено «Anversois» в Нобокен (Бельгия) для компании «Seetransport GmbH» (Гамбург) в 1908 г. Во время войны интернировалось в Альмерии. Передано Совету 23 октября 1918 г., но в полноправной государственной собственности лишь с 27 марта 1919 г. 1 марта 1924 г.

передано «Compañía Trasmediterránea» и переименовано в «Хенералифе» (Generalife), порт приписки Барселона. 18 июля 1936 г ввиду своей нерентабельности поставлено на прикол в Маоне. По окончании войны перешло в собственность «Isleña Marítima». Сдано на слом в Аликанте в декабре 1967 г.

«Эспанья-3» (б. «Рома», 2108 брт, 3333 DW, длина 79,6 м, 1 вал, 9 уз.). Грузовое судно, построено «Neptun AG» (Росток) для компании «D.G. Argo» (Бремен) в 1906 г. Интернировалось в Картахене в 1914 г. с грузом 20 т. пробки. По окончании войны вышло в Карраку для очистки дна, после чего ушло в Пунталес, где передано в распоряжение Совета 15 июня 1919 г. Использовалось для гражданских и военных перевозок, в частности некоторое время было прикомандировано к Дивизиону Морской авиации. 18 марта 1924 г. вместе в «Эспанья-5» временно перешло в собственность Флота в качестве войскового транспорта. 18 июня 1931 г. окончательно передано в распоряжения флота. С началом гражданской войны использовалось в Картахене в качестве плавучей тюрьмы, позднее переведено в Барселону, где 8 июня 1937 г. потоплено авиацией националистов. После войны поднято и 15 февраля 1939 г. снова включено в списки флота под наименованием «Кастильо Фигерас» (Castillo Figueras). С 1961 г. блокшив, сдано на слом в феврале 1965 г.

«Эспанья-4» (б. «Крефельд», 3829 брт, длина 108,4 м, 1 вал, 11,5 уз.). Грузовое судно, построено «Vulcan» (Штеттин) в 1895 г. по заказу «Norddeutscher Lloyd» (Бремен), интернировано в Санта Круус де Тенерифе. 25 октября 1918 г. передано испанской стороне. 2 марта 1919 г. пришло в Карраку, где поставлено в док для очистки подводной части. Передано в аренду «Compañía Trasatlántica» в качестве почтового парохода. 25 августа 1924 г. передано в полноправную собственность компании и переименовано в «Тейде» (Teide). Использовалось на линии в Фернандо-По, и 8 июня 1932 г. село на рифы Пунта Оскура у Санта-Исабель. Первоначально предполагалось поднять и отремонтировать, но в итоге оставили на месте как указатель опасного в навигационном отношении участка.

«Эспанья-5» (б. «Рига», 2156 брт, 3913 DW, длина 89,0 м, 1 вал, 9 уз.). Грузовое судно, построено «Koch» (Любек) в 1906 г. по заказу «Oldenburg-Portugiesische DR», интернировано в Севилье. 23 октября 1918 г. передано испанской стороне и использовалось для грузовых перевозок гражданских грузов. Мобилизовано для перевозки в Марокко войск, после чего передано в распоряжение военного министерства. 18 июля 1936 г. вошло в Сеуту, где задержано властями националистов, став таким образом, первым пароходом националистов. В последующем использовалось для военных перевозок. 1 марта 1939 г. переименовано в «Кастильо Тордесильяс» (Castillo Tordesillas). С 1964 г. – блокшив, сдано на слом в Мелилье в мае 1969 г.

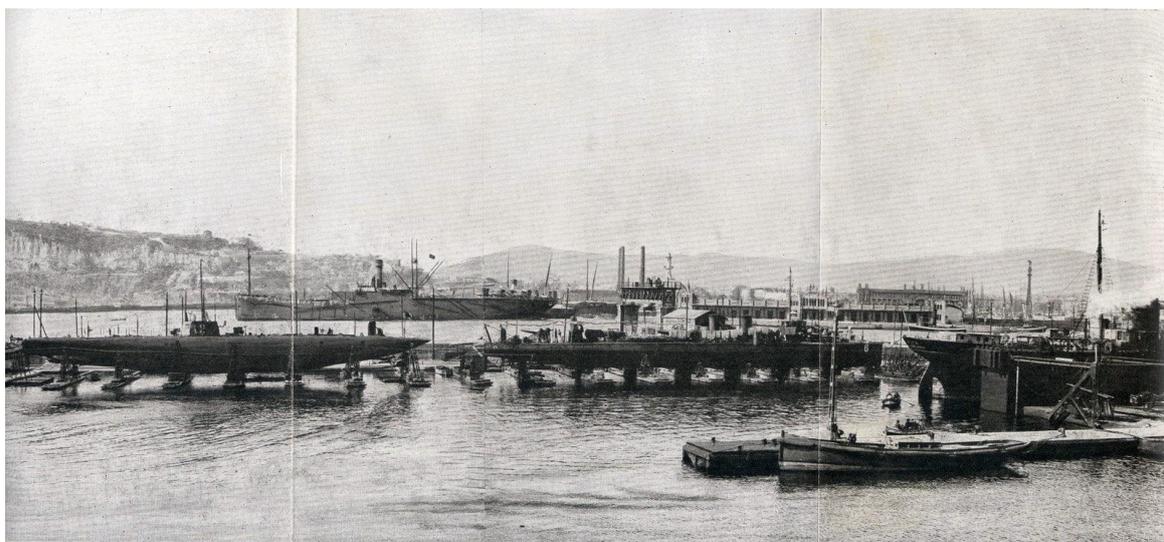


Рис. 1. Вид на гавань Барселоны, 1922 г. Виден плавучий док, направо – пароход Rita, слева – подводная лодка А.2 "К. Гарсия" и миноносец № 6, на заднем плане – "Дедало".

Но самая интересная биография выдалась «Эспанья-6».

Решение передать испанской стороне «Нюенфельс» привело к разлучению оказавшихся в Виго братьев Ганзы: «Нейденфельс» на буксире отправился во Францию, а «Нюенфельс» 23 октября 1918 г. перешел во владение Совета. В этот день Морской комендант порта сообщил капитану парохода и консулу Германии о переходе парохода испанской стороне. Незамедлительно на кормовом флагштоке был спущен германский коммерческий флаг и его место занял испанский, точно также с грот-мачты убрали флаг Ганзы, чье место занял флаг Морской комендатуры. В присутствии делегата от Совета главный инженер и механик передали испанцам всю имеющуюся документацию.

Германская команда покинула пароход и ее место, в ожидании постоянной команды из состава Трансатлантической компании, занял временный караул из старшего боцмана и четырех матросов с «Эрнана Кортеса».

После небольшого косметического ремонта в Виго и более основательного в Ферроле, пароход внесли в списки торговых судов Совета с портом приписки Виго под наименованием «Эспанья-6» с присвоением международного идентификатора HLPV.

По окончании ремонта в 1919 г. «Эспанья-6» осуществляла грузовые перевозки по казенным нуждам. Кстати, именно эта дата окончания ремонта послужила основанием ряду авторов утверждать, что переоборудование «Эспанья-6» в «Дедало» произвели именно в этом году.

В краткий период с 1919 по 1921 г. «Эспанья-6» смогла попасть на страницы газет лишь однажды. 24 марта 1920 г. ее с семью тысячами тоннами пшеницы задержали в Малаге, поскольку несколько человек на борту заболели бубонной чумой. Незамедлительно пароход отправили в Маон в карантин, где все заболевшие попали в больницы, а пшеница после дополнительного обследования признана Министерством здравоохранения годной к употреблению.

Постепенно Совет склонялся к мысли передать пароход в частные руки. Именно в этот момент он и попала в поле зрения военных. В итоге пароход стал первым испанским носителем самолетов – "Дедало", история, подробно описанная нами в работе [8].

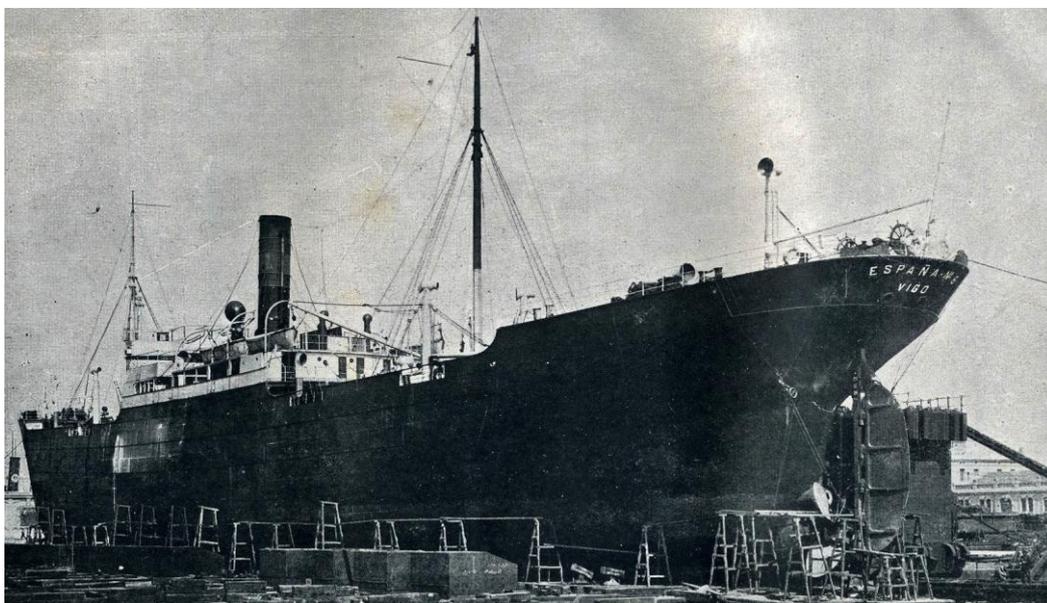


Рис. 2. Пароход "Эспанья-6" в доке Барселоны в начале переоборудования в гидроавиатранспорт "Дедало"

Заключение

Таким образом, на примере "Совета захваченных судов", мы видим один из пунктов нарушения строгого нейтралитета Испании в годы Первой мировой войны, а именно нарушение режима интернирования. Причем соответствующее давление на Германию было

осуществлено в конце войны, когда реального ни дипломатического, ни военного противодействия она оказать уже не могла.

Примечания:

1. Креленко Д.М. Отдельные аспекты реализации испанского нейтралитета в Первой мировой войне // Известия Саратовского университета. Серия: История. Международные отношения. 2013. Т. 13. № 1. С. 67–75.
2. Андриенко В.Г. Тральщики севера, переоборудованные из траулеров и промысловых судов // Судостроение. 1989. № 11. С. 71–75.
3. Gonzalez Echegaray R. Vida naval de los bous españoles // Revista General de Marina. 1972. Т. 183. Noviembre. P. 451–466.
4. Mitiukov N.W., Lapshin R.W. Los bous de procedencia española incorporados a la flotilia del océano glacial ártico durante la primera Guerra mundial // Revista General de Marina. 2011. Diciembre. P. 873–881.
5. Blanca Carlier J.M. Buques internados durante la Primera Guerra Mundial // Revista General de Marina. 1975. № 8. P. 135–158.
6. Bordejé y Morencos F. Vicisitudes de una política naval. Madrid: Editorial San Martín, 1978. 704 p.
7. Busquets C., Campanera A., Coello J.L. Los portaaviones Españoles. – Madrid: Aldaba, 1994. 174 p.
8. Анка А.А., Митюков Н.В. Гидроавиатранспорт «Дедало». М.: Морская коллекция, 2008. 32 с.

References:

1. Krelenko D.M. Otdel'nye aspekty realizatsii ispanskogo neutraliteta v Pervoi mirovoi voine // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2013. Т. 13. № 1. С. 67–75.
2. Andrienko V.G. Tral'shchiki severa, pereoborudovannye iz traulerov i promyslovykh sudov // Sudostroenie. 1989. № 11. С. 71–75.
3. Gonzalez Echegaray R. Vida naval de los bous españoles // Revista General de Marina. 1972. Т. 183. Noviembre. P. 451–466.
4. Mitiukov N.W., Lapshin R.W. Los bous de procedencia española incorporados a la flotilia del océano glacial ártico durante la primera Guerra mundial // Revista General de Marina. 2011. Diciembre. P. 873–881.
5. Blanca Carlier J.M. Buques internados durante la Primera Guerra Mundial // Revista General de Marina. 1975. № 8. P. 135–158.
6. Bordejé y Morencos F. Vicisitudes de una política naval. Madrid: Editorial San Martín, 1978. 704 p.
7. Busquets C., Campanera A., Coello J.L. Los portaaviones Españoles. – Madrid: Aldaba, 1994. 174 p.
8. Anka A.A., Mityukov N.V. Gidroaviatransport «Dedalo». М.: Morskaya kolleksiya, 2008. 32 с.

УДК 93(460).087

Испанский торговый флот и "Совет захваченных судов"

Николай Витальевич Митюков

Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация
Доктор технических наук

Аннотация. В работе рассмотрен вопрос использования интернированных в Испании судов Германии и Австро-Венгрии в рамках "Совета захваченных судов". Рассмотрена судьба шести попадавших под этот проект судов в испанском флоте. В заключении автор отмечает, что на примере "Совета захваченных судов", мы видим один из пунктов нарушения строгого нейтралитета Испании в годы Первой мировой войны, а именно нарушение режима интернирования. Причем соответствующее давление на Германию было осуществлено в конце войны, когда реального ни дипломатического, ни военного противодействия она оказать уже не могла.

Ключевые слова: Первая мировая война; Испания; режим нейтралитета; интернирование; судостроение; пароходства.

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Voennyi Sbornik
Has been issued since 1858.
ISSN: 2309-6322
Vol. 6, No. 4, pp. 241-252, 2014

DOI: 10.13187/issn.2309-6322
www.ejournal6.com



UDC 94:797.5 (47=57) «19»

The Making and Development of the Soviet-Issue Local Air Defense System during the Period of Interwar Five-Year Plans: A Case Study of the Donbas Region

Elmira B. Alieva

Donetsk national university, Ukraine
Postgraduate student
E-mail: alievaol@mail.ru

Abstract

This article attempts to examine the process of the making and development of a local air and chemical defense system and the major components that make it up: regulatory/statutory acts, resolutions by the central government, and mechanisms for their implementation by local authorities. Special attention is devoted to the legal framework and measures for popularizing civil defense among the population, which fostered the development of the local air defense system during the period of interwar five-year plans. In the end, the author comes to the following conclusion: over the entire period under examination, step by step the government had been putting together a local air defense system so effective as to enable the civil population, in the event of a military threat, to promptly arrange not only its own defense but that of local enterprises of strategic significance. Thanks to the measures taken, by the beginning of World War II many citizens had mastered the major skills for defense against aerial and chemical attacks. A consequence of reform in the system of civil defense was the overall militarization of the country's population.

Keywords: defense/mass work; local air defense; “Ready for Air/Chemical Defense” badge; Defense, Chemical and Aviation Building Aid Society; Union of Red Cross and Red Crescent Societies.

Введение

Готовность общества адекватно реагировать на масштабные угрозы, как естественного, так и техногенного, а также военного характера, возводить к минимуму их губительные последствия является залогом государственной безопасности в частности, и основой выживания мирового сообщества в целом. Современное постсоветское общество по большей части не имеет навыков противодействия угрозам, воспринимая их, как фатальную неизбежность и перекладывая всю ответственность относительно борьбы с этими бедами на органы государственной власти. Не отличается, в свою очередь, совершенством и нормативно – правовая регламентация деятельности государства и общественных организаций в сфере подготовки населения к самозащите во время масштабных угроз и ее практическое воплощение в жизнь.

В этой связи ретроспективный анализ мероприятий, которые инициировались советскими органами власти и общественными организациями относительно противовоздушной и противохимической обороны в течение исследуемого периода поможет в совершенствовании содержания и повышения эффективности системы гражданской безопасности в современных реалиях.

Методы исследования

В качестве методологических оснований работы автор придерживался диалектического и материалистического понимания истории. Главными методологическими принципами в работе послужили историзм и научная объективность, изучение совокупности установленных исторических фактов сквозь призму их взаимосвязи, противоречивости, развития. В исследовании темы применялись такие общенаучные методы познания, как анализ и синтез, аналогия, классификация; использовались специальные методы исторического познания: хронологический, проблемный, ситуационный и ретроспективный, сравнительно-исторический. Это позволило рассмотреть процесс появления и развития системы оборонно-массовой работы в динамике, установить главные этапы и тенденции в данном процессе, провести сравнение региональной системы с общесоюзным фоном.

В историографии данной темы можно условно выделить три периода, обусловленных по большей части доступностью исторических источников для исследователей и возможностью свободно выражать свое мнение. В первую группу вошли научно-публицистические труды 1920–1930-х гг., когда закладывались основы оборонно-массовой работы [1-4]. Они, как правило, отличались злободневностью и достаточно реально отображали состояние проблемы, хотя и не содержали глубокого анализа внутренней политики и механизмов ее реализации. Следующий период в изучении проблемы оборонной – массовой работы в целом, и гражданской защиты в частности, охватывает период середины 1940-х – конец 1980-х гг. В работах, которые относились к этому этапу, подчеркивалась исключительная роль Коммунистической партии в построении системы МПВО в межвоенный период [5-8]. Нужно отметить, что несмотря на определенную заидеологизированность, им все же удалось отобразить общую динамику развития системы военной подготовки населения, дать ее численные показатели и богатый фактический материал. Третий, современный период, историографии данной проблематики отмечается расширением круга исследуемых проблем, привлечением ранее недоступного массива источников, обогащением методологической базы исследований. Принципиально новые подходы к изучению проблемы в целом и деятельности МПВО в частности нашли выражение в работах Ю. Агафонова, Т.П. Коржихиной, А.А. Гукова, О.К. Калюжного, В.П. Мельниченко, Е.П. Шубина, Ф. Бюньона, и др. [9–11]

В научной исторической и военной литературе общепринятым определением комплекса мероприятий направленных на подготовку населения к действиям в чрезвычайных ситуациях есть словосочетание «гражданская оборона», такое определение данного понятия было введено лишь в 1961 г., а до того употреблялось название «местная противовоздушная оборона». «Большая советская энциклопедия» дает такое определение МПВО: «система оборонных мероприятий, которая осуществляется местными органами власти, какое направленное на защиту население и народного хозяйства от воздушного нападения противника» [12, с.432].

Обсуждение

Проблема масштабных угроз гражданскому населению во время военных действий стала особенно актуальной в XX ст. в связи с появлением различных образцов оружия массового поражения.

Первые мероприятия МПВО, осуществленные Советской властью, датируются мартом 1918 г., когда в Петрограде в ответ на первую воздушную бомбардировку города немецкой авиацией была создана противовоздушная оборона города (тогда она имела название – воздушная), она была подчинена Комитету революционной обороны. Выданное этим Комитетом воззвание «К населению Петрограда и его околиц» устанавливало правила

поведения в условиях воздушного нападения и стало первым документом, который определял мероприятия гражданской обороны [13, с.277].

После окончания Гражданской войны и с началом мирного государственного строительства весь комплекс мероприятий ПВО и ПХО был объединен в общегосударственную систему, подчиненную Наркомату военных и морских дел.

Вторая половина 1920-х гг. обозначена рядом постановлений советской власти относительно противовоздушной обороны страны:

1) 1925 г. – Постановление СНК СССР «О мероприятиях противовоздушной обороны в новых зданиях в 500 км пограничной черте» [6, с.325].

2) 1926 г. – Постановление Совета Труда и Обороны СССР, которая делала обязательным проведение мероприятий по противовоздушной обороне на железных дорогах в пределах зон особого стратегического значения. В частности, при железнодорожных станциях должны были строиться хранилища и создаваться специальные формирования противовоздушной обороны и противохимической защиты [14, с.134].

3) 1927 г. – Постановление Совета Труда и Обороны СССР «Об организации воздушной – химической обороны территории Союза ССР», согласно которой территория страны была разделена на пограничную (опасную) зону и тыл. Все города в пограничной зоне стали именоваться городами – пунктами ПВО [14, с.134]. Руководство всей системой ПХО и ППО принадлежало Наркомату военных и морских дел, а гражданские наркоматы, в свою очередь, должны были организовывать за свои средства объекты ПХО, которые попадали под их юрисдикцию, обеспечить эти предприятия средствами пассивной обороны, сформировать и научить специальные команды из состава рабочих и служащих данного предприятия.

Руководство ПХО на пограничной территории поручалось командованию военных округов, каждый военный округ разделялся на сектор (район) обороны, участок обороны и пункт обороны. Сектор (район) обороны охватывал территорию нескольких губерний, или округов, участок обороны – территорию одной губернии, пункт обороны объединял ряд объектов, или один объект, который оборонялся самостоятельно. Во главе районов и пунктов ПХО стоял начальник, который назначался из командного состава ПХО. Руководство объектом ПХО доверялось коменданту, или заведующему, который назначается тем наркоматом, которому подчинялся данный объект. Все финансовые расходы на мероприятия ПХО ложились на плечи соответствующих наркоматов, губернских, окружных исполкомов, за исключением средств активной обороны – их поставляло объектам ПХО военное ведомство [15].

4) Согласно инструкции РНК УССР от 19 января в 1927 г. «Об общих мероприятиях ПХО, которые подлежат приведению в жизнь» на территории заводов страны должны были быть отведены специальные помещения для хранения ПХО оборудования в расчете на ограниченный контингент персонала, который даже во время воздушного нападения должен был оставаться на предприятии для охраны и наблюдения [16]. Предусматривалось дублирование наиболее ценных и сложных элементов предприятия и средств производства на случай необходимости его возобновления, руководители ПХО промышленных объектов должны были подумать и о надежной связи предприятия с органами ПХО и постом противовоздушного наблюдения.

5) Одной из разновидностей формирований, которые должны были заботиться о вопросах гражданской защиты были авиахимкоманды, которые создавались при местных ячейках ОСОАВИАХИМа. «Положение про авиахимический отряд ОСОАВИАХИМа» от 30 мая 1927 г. определяло их, как особенную группу Общества содействия обороне, авиационному и химическому строительству, главным заданием которой было продуктивное реагирование в случае воздушных – химических нападений [17]. Члены авиахимических команд проходили специальную подготовку, а уже потом исполняли соответствующие обязанности в порядке общественной нагрузки: организация самообороны населенных пунктов, помощь местному населению в мероприятиях самообороны; содействие военным и гражданским учреждениям в создании системы ППХО; осуществление общественно – полезной деятельности (борьба с вредителями в сельском хозяйстве). Вербовка к отряду осуществлялась специальными комиссиями, которые были созданы на территории каждого округа. Командиры отрядов избирались из командного

состава запаса, что было не совсем удобно, потому что такой контингент всегда мог быть призванным в армию. Непосредственное руководство отрядами на местах было поручено секциями ПХО окружных Советов, которые подбирали и утверждали руководящий состав отрядов. Рядовые члены после непродолжительной учебы в отряде переходили в резерв и на смену им приходили новые кадры. Работа руководящего состава происходит в рамках общественной нагрузки (бесплатно). Члены команд имели нагрудный знак, нарукавную повязку желтого цвета с трафаретным номером отряда и специальную форму, которую устанавливала местная ячейка ОСОАВИАХИМа. Отличием командного состава была нарукавная повязка с черной окантовкой и полосой красного цвета [18].

Окружные Советы ОСОАВИАХИМа должны были взять на себя материальное обеспечение обучения при поддержке местных хозяйственных органов. На налаживание работы ПХО Всеукраинский Совет ОСОАВИАХИМа в 1927–1928 гг. потратил 1,725,12 р. (для сравнения – на авиаспорт – 3, 470, 62 р., агитпропаганду оборонной работы – 22, 205, 98 р.), в 1928–1929 гг. – расходы на ПХО значительно выросли до 20 тыс. р. [19].

Кроме того, к финансированию мероприятий ПВХО прибегали советские и партийные органы государства. В январе в 1927 г. Сталинский окружной исполнительный комитет выделил Правлению АЕРОХИМА 1000 р. для организации ПВХО [20].

6) «Положение о противовоздушной обороне СССР» от 31 января 1928 г. отменило понятие воздушно – химической обороны (ПХО). Все части, средства и органы ПХО переименовывались на части, средства и органы ПВО [21, с.35]

Таким образом советское законодательство в период межвоенных пятилеток пыталось организационно оформить систему реагирования гражданского населения, в первую очередь, на угрозы военного характера, так как в исследуемый период неотвратимость приближающейся войны буквально висела в воздухе.



Рис. 1. Значок «Готов к воздушно-химической обороне»

Обучение населения элементам защиты, как от воздушного, так и химического нападений возлагалось, главным образом, на добровольные общества – ОСОАВИАХИМ (Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству), Союз обществ Красного Креста и Красного Полумесяца. Главным заданием этих добровольных обществ в условиях мирного времени было заблаговременное приведение в оборонное состояние наиболее важных объектов, которые находились под угрозой воздушно – химического нападения. Роль добровольных оборонных обществ в военной подготовке гражданского населения была определена Решением Всеукраинского Совецания работников ОСОАВИАХИМа (29 мая – 4 июня 1929 г.), так: «повышение ПВХО грамотности гражданского населения, организация сети кружков ПВХО, массовых лекций о химической и противовоздушной обороне, распространение среди жителей промышленных унтров центров противогазов» [22].

Сталинский округ в связи со скоплением большого количества промышленных предприятий относился к «пунктам промышленного типа» с преобладающим значением ПВО промышленных объектов. Это делало невозможным координирование мероприятий ПВО во время боевых действий из одного центра и потому территория округа была разделена на 4 оборонных пункта: Сталинский, Петровский, Чистяковский и Макеевский. Сталинский пункт имел статус центрального, а потому одной из его исключительных функций была инспекция ПВО объектов округа и назначения руководителей остальных трех пунктов. На содержание Сталинского ПВО пункта из местного бюджета шло 5280 руб. в год [23].

ВЦРПС и ВУРПС (Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов и Всеукраинский совет профессиональных союзов), командование УВО (Украинского военного округа) в 1929 г. директивно предложило всем профсоюзным организациям принять активное участие в оказании помощи предприятиям и гражданским лицам в организации противохимической и противовоздушной обороны. Это должно было проявляться в помощи ОСОАВИАХИМу в отборе рабочих в специальные команды и кружки ПХО. Профсоюзы должны были также присматривать за учебой и работой этих команд и предоставлять соответствующие помещения для развертывания ПВХО учебы в своих клубах и красных уголках [24].

Относительно партийных учреждений страны, то они также были задействованы в деле противовоздушной и противохимической обороны. ЦК КП(б)У, например, в 1931 г. обращалось ко всем низовым партийным организациям с требованиями относительно ПВО:

- Выделить в составе горпарткомов, райпарткомов, бюро парткомов, с привлечением актива пунктов и объектов ПВО, специальных уполномоченных из пассивной обороны пункта. Обеспечить все пункты штатом партторгов, создать мощную комсомольско-партийную прослойку в штабах пунктов и объектах ПВО.

- Через своих уполномоченных следить за обеспечением формирования команд ПВО, развернуть соцсоревнование за выполнение учебных планов, нормативов [25].

Практическим результатом этой совместной деятельности было создание системы разнообразных формирований МПВО. По состоянию на 1.07.1929 г. на территории Украинской ССР насчитывалось 189 авиахимотрядов, которые объединяли 19979 членов (женщин среди них насчитывалось лишь 8,5 %), 118 постов ВНОС (воздушного наблюдения, оповещения, связи), оборудованных газозубежищ – 50, 14 камер газозащиты, 305 кружков ПХО (9320 членов), химических кружков – 236 (4703 человек) [26]. Добровольных формирований МПВО на 1.01.1932 г. в стране насчитывалось более 3 тыс. Более 3,5 млн граждан СССР было обеспечено противогазами, что было все же недостаточным, учитывая общее количество населения в 147–150 млн [27, с. 305].

Таким образом, необходимые организационные и материальные предпосылки для создания единой общегосударственной системы местной противовоздушной обороны в стране к 1932 г. были созданы, что и стало основой для дальнейших реформ в этой сфере.

Второй этап (октябрь 1932 – июнь 1941 гг.) развития системы МПВО характерен тем, что она превратилась в отдельную отрасль общей всесоюзной системы противовоздушной обороны вследствие введенных военно-политических и организационных мероприятий по ее централизации. Именно «Положение о противовоздушной обороне Союза ССР» от 4 октября 1932 г. впервые определило мероприятия и средства непосредственной защиты населения от воздушной опасности в зоне возможного радиуса действий авиации противника.

Документом предусматривалось разделение основных мероприятий местной системы ПВО на подготовительные и боевые. К подготовительным относились: учеба населения средствам противовоздушной и противохимической защиты; создание и подготовка на объектах народного хозяйства специальных авиахимических формирований; строительство хранилищ и приспособления под них углубляющих помещений; создание и накопление средств индивидуальной защиты; развитие системы оповещения и связи и др. При объявлении военного положения силами МППО должны были быть осуществлены следующие мероприятия: оповещение объектов и населения об угрозе воздушного нападения; маскировка и светомаскировка пунктов и объектов ПВО; выдача населению противогазов; организация защиты людей, животных, материальных ценностей и

уникального оборудования, воды, продуктов питания, фуража; обеспечение порядка и безопасности в населенных пунктах и на объектах. В случае нападения противника из воздуха органы МПВО были обязаны подать сигнал «Воздушная тревога» и обеспечить выполнение вышеперечисленных действий.

Выполнение всех этих задач возлагалось на местные органы власти и администрацию объектов народного хозяйства, которые были ответственны за их материальное обоснование. Этим объяснялась и название системы противовоздушной обороны.

Для решения локальных задач МПВО организовывались соответствующие силы – воинские части МПВО, которые подчинялись командованию военных округов, и добровольные формирования МПВО: в городских районах – участковые команды, на предприятиях – объектовые команды, при домоуправлениях – группы самозащиты. Формирования МПВО создавались из расчета: 15 человек от 100 – 300 рабочих и служащих на предприятиях и в учреждениях, и от 200–500 жильцов домоуправления. Участковые команды состояли из разного типа формирований, а группы самозащиты, как правило, из шести подразделений: медицинского, аварийно-восстановительного, противопожарной защиты, охраны порядка и наблюдения, дегазационного и обслуживания хранилищ. Участковые команды и группы самозащиты подчинялись начальнику местного отделения милиции. Комплектование групп осуществлялось на основе добровольности. При этом особое внимание уделялось тому, чтобы в группу (команду) не проникли морально «неустойчивые» элементы. В этом отношении каждая кандидатура тщательно проверялась местными общественными организациями. Подготовка кадров для МПВО осуществлялась на специальных курсах МПВО, а обучение населения – через сеть общественных оборонных организаций.

Одним из самых распространенных способов тренировки широких масс населения основам гражданской обороны в межвоенный период были масштабные учения. 9–10 декабря 1932 г. на территории Сталинской области были проведены подобные мероприятия, к которым присоединились рабочие Сталинского металлургического завода, завода «Стальмост» и шахтеры центральной группы шахт области. Парторганизации этих предприятий, как указано в выводах Донецкого обкома КП(б)У, «неплохо обеспечили условия для проведения учений». Но, к сожалению, ОСОАВИАХИМ и Красный Крест никакой активности во время учений не проявили, не смотря на задекларированный ими месячник ПВО. Основным недостатком проведенных учений, как констатировал Донецкий Обком, была не отрегулированная сеть радио – оповещения, дефицит радио – точек на заводах [28].

В течение января – февраля 1933 г. на территории Донбасса состоялось обследование объектов и участков ПВО и несколько проверочных учений, которые обнаружили, согласно докладу начальника штаба ПВО Донбасса, их неудовлетворительное состояние. Все проверенные объекты и элементы системы ПВО (штабы, части, цеха, маскировка, боеприпасы) к решению боевых задач были совсем не подготовлены. Руководители ПВО объектов не обладали достаточными навыками решения оперативно – тактических задач во время боевых действий. Команды ПВО формировались штабами, как правило, лишь на бумаге, формально. Обучение проходили методом «чистой словесности», наблюдалась «внешняя и внутренняя расхлябанность не только рядового, но и среди командного состава» [29].

Еще одним важным шагом в привлечении широких масс к обучению навыкам противодействия химическим и воздушным угрозам было введение специальных знаков отличия за успешное выполнение определенных заданий. С 1935 г. были введены нормативы сдачи на значок «Готов к ПВХО» (Готов к противовоздушной и противохимической обороне»). Повсеместно организовывались кружки для сдачи норм на значок ППХО, ГСО и БГСО, в том числе и в сельской местности. В конце января 1937 г. были введены нормы на коллективный знак «Готов к ПВХО» для первичных ОСОАВИАХИМовских организаций и жилых домов. По данным начальника ПВХО Донбасса т. Станиса, за 1935 г. в Донбассе более 115 тыс. человек сдали нормы на значок «ПВХО», а в 1936 г. лишь за полгода нормы ПВХО освоили 100 тыс. человек [30].

Важным элементом всей системы МПВО в межвоенный период было введение должности уполномоченных противовоздушной обороны жилых дворов. Руководители

жилкопов были ответственными за общее состояние подготовки подчиненных им домов к ПВО, а также за организацию групп самозащиты гражданского населения и их материальное обеспечение, такие функции возлагались на руководителей промышленных предприятий и учреждений, которые также назначались ответственными за ПВО подготовленность подчиненного им объекта [31].

Но, несмотря на такие способы активизации внимания к делам гражданской обороны, состояние областной МПВО оставлял желать лучшего. В письме Секретарю Донецкого Обкома С.А. Саркисову Командующий УВО И.Э. Якир от 20 мая 1935 г. описывал состояние ПВО области таким образом: «В деле ПВО нет еще должного большевистского порядка, не чувствуется хозяйская рука: до нападения воздушного противника наши города еще не готовы». Отмечалось и то, что «ни один из городских объектов не уделяет должного внимания организации газохранилищ, противопожарной очистке крыш, подготовке населения к тушению пожаров» [32].

Относительно подготовленности некоторых объектов к ПВО, то ее уровень так описывается областной Инспекцией ПВО по состоянию на май 1936 г.: швейная фабрика им. Володарского г. Сталино: «Во время проверки ПВО выявлены следующие нарушения: недостаточное количество противогазов (220 вместо обязательных 235). Есть противогазы в плохом состоянии: часто пораженные коррозией, сумки для хранения противогазов, которые часто находятся отдельно от них, не подлежат использованию». Но, все же, по сравнению с 1935 г. прослеживается некоторая положительная динамика – тогда вообще ни противогаза на предприятии не было обнаружено [36]. Фабрика имела 1 команду ПВО (111 человек), но существовала эта команда лишь на бумаге, формально. Мероприятия ПВО финансировались из промышленных средств (550 руб.) [33]. На полиграфической фабрике г. Сталино, по данным проверки Инспекцией, числилась 1 группа самозащиты ПВО (44 человека), которая была укомплектована в мае 1935 г. Команда прошла подготовку по 42-часовой программе. В 1935 г. нормы ПВХО сдали 72% работников фабрики, а в 1936 г. сдача норм вовсе не происходила. На фабрике насчитывалось только 40 противогазов при штате в 345 сотрудников, 6 комбинезонов, 6 пар сапог и перчаток, 4 пары противоипритных носков, 1 учебный противогаз, 25 мешочков с песком для тушения пожаров. Сметой на 1935 г. финансирование мероприятий ПВО не было предусмотрено но, несмотря на это, директор по собственной инициативе отпустил для этого 1800 руб. [34]. Только 30% семей, населявших район Пантелеймоновки, были обеспечены противогазами. Во время Декады ПВО рабочие Пантелемоновского динасового завода приходили на работу с противогазами, «даже в клуб и кино приходят с противогазами через плечо» [35].

С 1 по 3 июня 1936 г. в парке им. Постышева проходили областные ПВХО соревнования в которых принимали участие 13 военно-химических команд – представителей различных районов Донбасса. Соревнования проходили по таким дисциплинам: надевание противогаза на скорость, стрельба в противогазе, скорость одевания противоипритной одежды. Первое место получила команда Сталинского металлургического завода [36].

Распространенной формой участия населения в деле гражданской обороны были военизированные переходы в противогазах, которые регулярно происходили на территории Донбасса в течение межвоенного периода.

Начало массовых переходов в противогазах положила Пантелеймоновская ячейка ОСОАВИАХИМа, представители которого в январе 1936 г. отправились в Москву [37]. В 1936 г. команды ПВО предприятий г. Сталино в противогазах и противоипритных костюмах совершили переход Сталино – Старобельск, который длился 10 суток (348 км). В первый день похода противогаз снимался через 2 часов ходьбы, второй день – через 3 часа, на третий – через 4 часа, на четвертый день – через 5 часов, на седьмой день участники находились 10 часов в противогазах [38]. Областной переход жен ИТР работников Донбасса состоялся 18–24 июля 1936 г. по маршруту Переездная – Сталино, во время которого женщинам приходилось преодолевать до 30 км в сутки. Он объединял, как военно-спортивные, так и пропагандистские цели, потому что в течение перехода женщины проводили беседы с колхозниками, разъясняя им необходимость овладения минимумом ПХО, обучали их пользоваться противогазами. В этом же году, 23 августа, жены инженерно-технических работников завода им. 15-летия Комсомола отправились в военизированный поход, во время которого побывали на заводе им. Ковалья в Пантелеймоновке, на

Горловском машиностроительном заводе, на Щербиновских рудниках. Им удалось преодолеть 170 км за 39 часов [39]. Самым необычным был переход, который состоялся 27 марта 1936 г. 27 артистов Сталинского драматического театра осуществили переход на Пантелеймоновский завод. По прибытию артисты отыграли перед трудящимися спектакль и в торжественной обстановке получили значки «Готов к ПВХО» [40]. В Горловском районе в течение 1938 г. было проведено 52 массовых военизированных походов в противогазах. Например, в колхозе им. Ворошилова с сельскими жителями был обсужден доклад т. Сталина и организована ОСОАВИАХИМовская организация [41].

По данным Секретаря Донецкого областного совета ОСОАВИАХИМа, в течение 1939 г. состоялось 292 перехода в противогазах, в которых были задействованы 3100 человек [42].

Комплексным мероприятием по активизации МПВО были так называемые «Декады ПВО». Одна из таких «Декад» состоялась в городах и районах Донбасса 7–17 сентября 1936 г. В течение этих десяти дней устраивались маневры, военно-химические соревнования, обучение в противогазах, организованная сдача норм на значок ПВХО, военизированные походы. На некоторых предприятиях несколько часов рабочие работали в противогазах. В г. Сталино по случаю Декады состоялся масштабный парад жителей города в противогазах с участием 10 тыс. человек [43].

В первый день декады возле сквера «Павших Коммунаров» м. Сталино можно было воочию увидеть макеты газовых бомб. Движение по улице Артема регулировал милиционер в противогазе. Вагоновожатым и кондукторам трамваев раздавались противогазы. В 12 часов дня центральный телеграф г. Сталино получил сообщение «враг близко». Все рабочие телеграфа надели противогазы и продолжали работу. Больше часа в противогазах работали рабочие электростанций, шахт и заводов г. Сталино [44]. Во время Декады в г. Сталино также была организована газовая учебная тревога. Все прохожие, которые не имели при себе противогазов, должны были спрятаться в убежища.

К сожалению, к неудачам проведенной Декады следует отнести показательные учения на шахте им. Ленина в г. Горловке: «Гудки на шахте сообщили населения о начале воздушной тревоги. Мгновенно захлопнулась дверь столовой и магазина. Команды самозащиты надели противогазы. Почему же на улицу выбежали дети? Оказалось, население в полном недоумении. Много женщин и детей, в панике бегают из угла в угол. Некоторые, растерявшись, вызвали скорую помощь» [45]. Неудачей обернулась и учебная воздушная тревога, объявленная в г. Сталино. Население продемонстрировало полную неспособность адекватно реагировать на ситуацию. Как сообщает газета «Социалистический Донбасс»: «растерявшись, прохожие бегали от подъезда к подъезду. Многие пытались «заменить» противогаз разнообразными справками и удостоверениями» [46].

30 сентября 1939 г. в г. Сталино состоялось светомаскировочное учение: «В ненастный осенний вечер штаб ПВО г. Сталино получил «угрожающее» сообщение: городу грозит налет бомбардировщиков». С 21 часа в городе внедрялось «угрожающее положение», поэтому все объекты ПВО должны были обеспечить светомаскировку. Город оказался в темноте, окна зданий не горели, машины двигались с выключенными фарами. Через полчаса «угрожающее положение» было отменено [47].

В учебных заведениях области также проводилась работа с ППХО: в школах один раз в неделю проходили занятия кружков ППХО для старшеклассников [48]. Среди них в октябре 1939 г. состоялись военно-химические соревнования, главным условием которых было провести 45 минут в противогазе. В учебных заведениях того времени можно было наблюдать такую картину: «Урок... Все ученики в противогазах. Голос учителя звучит через резиновую оболочку противогаза. В классе учебная тревога» [49]. По состоянию на начало февраля 1939 г. в педагогическом училище Орджоникидзевого района Сталинской области более 300 студентов были охвачены подготовкой к сдаче ПВХО, а 22 человека даже готовились сдать экзамены на звание инструктора ПВХО [50]. В Донецком индустриальном институте в этот период работали десятки кружков ПВХО, только для подготовки значкистов ПВХО 1-й степени – 30 групп, нормы ППХО 2-й степени удалось сдать 327 студентам [51].

Довольно распространенным явлением в 1930-е гг. на территории СССР было отработки рабочего времени в противогазах. На Ново-Макеевском коксо-химическом заводе в сентябре и октябре 1938 г. происходили подобные тренировки по всем цехам. 90%

сотрудников завода присоединились к этому мероприятию: в первый день тренировок они работали 30 мин. в противогазах, на второй день – 1 час и 2 часа на третий день [52]. Более 700 рабочих, ИТР швейной фабрики им. Володарского (г. Сталино) работали в течение 45 мин. в противогазах [53]. За первый квартал 1939 г. на территории Сталинской области состоялось 799 тренировки в противогазах на рабочих местах [54].

Осенью 1940 г. по решению ЦК ВКП (б) и правительства было проверено состояние МПВО в целом по стране. Проверка показала, что органы военного командования в связи с увеличенным объемом работы по подготовке страны к вооруженной защите стали меньше уделять внимания местной ПВО. 7 октября 1940 г. решением ЦК ВКП (б) и СНК СССР местная ПВО была передана в ведение Народного комиссариата внутренних дел СССР. Кроме серьезных недостатков в руководстве МПВО со стороны Наркомата обороны были и другие причины передачи ее в подчинение НКВД. НКВД СССР имел большую власть и мог изменить отношение к противовоздушной и противохимической защиты тех должностных лиц, которые небрежно выполняли свои обязанности. При УНКВД краев и областей образовывались отделы, отделения МПВО. В городских и районных органах милиции вводились должности старших инспекторов по местной противовоздушной обороны. В городах и районах начальниками МПВО оставались председатели исполкомов соответствующих советов.

На начало 1941 г. подготовку по противовоздушной и противохимической защите прошли более 8 млн граждан СССР; на предприятиях насчитывалось 25 тыс. формирований, в распоряжении МПВО было более 30 млн противогазов, хотя этого было недостаточно для 196,8 млн населения страны; в городах и на предприятиях было построено множество убежищ и укрытий. В учениях МПВО в 1939–1940 гг. участвовало 11,3 млн человек. На заводах и фабриках, в учреждениях и учебных заведениях, колхозах и совхозах, по месту жительства в 1940 г. было произведено 131 тыс. тренировок по МПВО. Вводилась всеобщая обязательная подготовка населения (в возрасте от 16 до 60 лет) к противовоздушной и противохимической обороне. Развернулось строительство убежищ, укрытий, в которых можно было вместить более 20 млн человек [20, с. 378]. Можно сделать вывод, что подчинение Наркомату внутренних дел способствовало налаживанию работы всей системы МПВО, хотя это и можно было объяснить страхом наказания, который чувствовали ответственные чиновники и именно поэтому вынуждены были улучшать свою работу, но результат остается результатом и накануне Великой Отечественной войны такая активизация была, несомненно, своевременной.

Выводы

Итак, в течение исследуемого периода, государство приложило значительные усилия для организации системы МПВО, защиты особо важных объектов и обучения гражданского населения основам противовоздушной и противохимической обороны. Следствием этого стала всеобщая военизация страны. Развитие местной ПВО в довоенный период шло по пути создания военизированных подразделений армейского типа и общественных формирований. Начало централизованной общесоюзной системы МПВО можно отнести к 1932 г.: с этого момента элементы МПВО возникали в крупных городах, на важных объектах промышленности, транспорта, связи, в учреждениях, учебных заведениях, в жилом секторе. Следующим этапом в истории гражданской обороны СССР стал 1940 г., когда управление системой МПВО вошло в состав НКВД СССР, что еще больше активизировало деятельность партийных, советских органов власти, общественных организаций по противовоздушной обороне страны. Но, надо выделить и некоторые недостатки в развитии противовоздушной и противохимической обороны, например, формальное членство в первичных очагах МПВО, недостаточное материальное обеспечение средствами противовоздушной обороны и пренебрежение своими обязанностями должностных лиц ответственных за подготовку объектов к отражению воздушно – химических угроз.

Примечания:

1. Заржар В. А. ОСОАВИАХИМ – детище октября / В.А. Заржар. М., 1928.
2. Толмачев А. Главполитпросвет и ОСОАВИАХИМ / Александр Толмачев. М., 1928.

3. Война и военное дело. Пособие по военному делу для партийного, советского и профсоюзного актива / [под общей ред. В.Н. Левичева]. М.: Воениздат, 1933.
4. Анчарский П.П. ОСОАВИАХИМ в колхозе / П.П. Анчарский. М., 1934.
5. Борисов Л.П. ОСОАВИАХИМ. Страницы истории. 1927–1941 годы / Л.П. Борисов // Вопросы истории. 1965. № 6. С. 36-43.
6. Гражданская оборона / [под ред. А.Т. Алтунина]. М.: Воениздат, 1982.
7. Атаманюк В.Г. Дважды орденоносное оборонное [В.Г. Атаманюк, Л.Г. Ширшев]. М.: Изд-во ДОСААФ, 1983.
8. Мальцев И.М. Деятельность КПСС по повышению общественно-политической активности комсомольских организаций в период строительства социализма (1925–1985 гг.) / И.М. Мальцев. Иваново, 1988.
9. Агафонов Ю. ОСОАВИАХИМ, ДОСААФ, РОСТО: традициям верны / Ю. Агафонов. М., 2006.
10. Коржихина Т.П. Общественные организации в СССР: материалы к источниковедению / Т.П. Коржихина. М., 1992.
11. Гуков А.А. Организационно-правовые основы деятельности местной противовоздушной обороны НКВД – МВД СССР (1932–1960 гг.): историко-правовой аспект: дис... канд. юр. наук: спец.12.00.01 / А.А. Гуков. М., 2006.
12. Большая советская энциклопедия: в 30 т. / [гл. ред. А.М. Прохоров]. М.: Советская Энциклопедия, 1969–1978. Т.3. 1970. 640 с.
13. КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза: сборник документов 1917–1958 / [отв. ред. Савинкин Н.И.]. М., 1958. 624 с.
14. Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства СССР: 1925 г. М.: Военные знания, 1965. 325 с.
15. Егоров Е. Гражданской обороне СССР – 50 лет. Историческая справка / Е. Егоров, Я.Я. Козачек, А.В. Коржавин, В.А. Медведев и др. М., 1982. 453 с.
16. Государственный архив Донецкой области (далее ГАДО). Ф. Р-2, оп. 1, д. 55, Л. 149.
17. ГАДО. Ф. Р-2, оп.1, д.55, Л. 150-155.
18. ГАДО. Ф. Р-785, оп.1, д. 44, Л. 1.
19. ГАДО. Ф. Р-785, оп.1, д.17а, Л. 16.
20. ГАДО. Ф. Р-785, оп.1, д.2, Л.208.
21. ГАДО. Ф. Р-785, оп.1, д.1, Л.166.
22. Котлуков К.Г. Гражданская оборона вчера и сегодня / К.Г. Котлуков, К. С. Оглоблин, А. И. Сгилевский. 2-е изд., перераб. и доп. М: Атомиздат, 1975. 119 с.
23. ГАДО. Ф. Р-785, оп.1, д.44, Л.37.
24. ГАДО. Ф. Р-279, оп.1, д.40, Л.89.
25. ГАДО. Ф. Р-946, оп.1, д.1, Л.121.
26. ГАДО. Ф. Р-9, оп.1, д.765, Л.1.
27. ГАДО. Ф. Р-946, оп.1, д.1, Л.122.
28. Егоров Е. Гражданской обороне СССР – 50 лет. Историческая справка / Е. Егоров, Я.Я. Козачек, А.В. Коржавин, В.А. Медведев и др. М., 1982. 453 с.
29. ГАДО. Ф. Р-326, оп.1, д.131, Л.4.
30. ГАДО. Ф. Р-326, оп.1, д.131, Л.10.
31. Социалистический Донбасс, № 21, 27.01.1936, с.4.
32. ГАДО. Ф. Р-1064, оп.1, д.18, Л.20.
33. ГАДО. Ф. Р-326, оп.1, д.459, Л.24.
34. ГАДО. Ф. Р-1064, оп.1, д.58, Л. 78.
35. ГАДО. Ф. Р-1064, оп.1, д.52, Л.1.
36. ГАДО. Ф. Р-1064, оп.1, д.52, Л.13.
37. Социалистический Донбасс, 1936. № 212, 14 сент.
38. Социалистический Донбасс, 1936. №126, 3 июня.
39. Социалистический Донбасс, 1936. № 21, 27 янв.
40. ГАДО. Ф. Р-1064, оп.1, д.84, Л.28.
41. Социалистический Донбасс, 1936. № 56, 9 марта.
42. Социалистический Донбасс, 1939. № 101, 7 мая.
43. ГАДО. Ф. Р-326, оп.1, д.1529, Л.10.

44. Социалистический Донбасс, 1936. № 212, 14 сент.
45. Социалистический Донбасс, 1936. № 207, 8 сент.
46. Социалистический Донбасс, 1936. № 213, 15 сент.
47. Социалистический Донбасс, 1936. № 211, 12 сент.
48. Социалистический Донбасс, 1939. № 229, 28 сент.
49. Социалистический Донбасс, 1939. № 238, 27 окт.
50. Социалистический Донбасс, 1939. № 237, 26 окт.
51. Социалистический Донбасс, 1939. №31, 8 февр.
52. Социалистический Донбасс, 1939. № 115, 23 мая.
53. Социалистический Донбасс, 1938. № 247, 24 окт.
54. Социалистический Донбасс, 1939. № 229, 28 сент.

References:

1. Zarzhar V. A. OSOAVIAKhIM – detishche oktyabrya / V.A. Zarzhar. M., 1928.
2. Tolmachev A. Glavpolitprosvet i OSOAVIAKhIM / Aleksandr Tolmachev. M., 1928.
3. Voina i voennoe delo. Posobie po voennomu delu dlya partiinogo, sovetskogo i profsoyuznogo aktiva / [pod obshchei red. V.N. Levicheva]. M.: Voenizdat, 1933.
4. Ancharskii P.P. OSOAVIAKhIM v kolkhoze / P.P. Ancharskii. M., 1934.
5. Borisov L.P. OSOAVIAKhIM. Stranitsy istorii. 1927–1941 gody / L.P. Borisov // Voprosy istorii. 1965. № 6. S. 36-43.
6. Grazhdanskaya oborona / [pod red. A.T. Altunina]. M.: Voenizdat, 1982.
7. Atamanyuk V.G. Dvazhdy ordenonosnoe oboronnoe [V.G. Atamanyuk, L.G. Shirshv]. M.: Izd-vo DOSAAF, 1983.
8. Mal'tsev I.M. Deyatel'nost' KPSS po povysheniyu obshchestvenno-politicheskoi aktivnosti komsomol'skikh organizatsii v period stroitel'stva sotsializma (1925–1985 gg.) / I.M. Mal'tsev. Ivanovo, 1988.
9. Agafonov Yu. OSOAVIAKhIM, DOSAAF, ПОСТО: traditsiyam verny / Yu. Agafonov. M., 2006.
10. Korzhikhina T.P. Obshchestvennye organizatsii v SSSR: materialy k istochnikovedeniyu / T.P. Korzhikhina. M., 1992.
11. Gukov A.A. Organizatsionno-pravovye osnovy deyatel'nosti mestnoi protivovozdushnoi oborony NKVD – MVD SSSR (1932–1960 gg.): istoriko-pravovoi aspekt: dis... kand. yur. nauk: spets.12.00.01 / A.A. Gukov. M., 2006.
12. Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya: v 30 t. / [gl. red. A.M. Prokhorov]. M.: Sovetskaya Entsiklopediya, 1969–1978. T.3. 1970. 640 s.
13. KPSS o Vooruzhennykh Silakh Sovetskogo Soyuza: sbornik dokumentov 1917–1958 / [otv. red. Savinkin N.I.]. M., 1958. 624 s.
14. Sobranie uzakonenii i rasporyazhenii Raboche-Krest'yanskogo pravitel'stva SSSR: 1925 g. M.: Voennye znaniya, 1965. 325 s.
15. Egorov E. Grazhdanskoi oborone SSSR – 50 let. Istoricheskaya spravka / E. Egorov, Ya.Ya. Kozachek, A.V. Korzhavin, V.A. Medvedev i dr. M., 1982. 453 s.
16. Gosudarstvennyi arkhiv Donetskoi oblasti (dalee GADO). F. R-2, op. 1, d. 55, L. 149.
17. GADO. F. R-2, op.1, d.55, L. 150-155.
18. GADO. F. R-785, op.1, d. 44, L. 1.
19. GADO. F. R-785, op.1, d.17a, L. 16.
20. GADO. F. R-785, op.1, d.2, L.208.
21. GADO. F. R-785, op.1, d.1, L.166.
22. Kotlukov K.G. Grazhdanskaya oborona vchera i segodnya / K.G. Kotlukov, K. S. Ogloblin, A. I. Sgilevskii. 2-e izd., pererab. i dop. M: Atomizdat, 1975. 119 s.
23. GADO. F. R-785, op.1, d.44, L.37.
24. GADO. F. R-279, op.1, d.40, L.89.
25. GADO. F. R-946, op.1, d.1, L.121.
26. GADO. F. R-9, op.1, d.765, L.1.
27. GADO. F. R-946, op.1, d.1, L.122.
28. Egorov E. Grazhdanskoi oborone SSSR – 50 let. Istoricheskaya spravka / E. Egorov, Ya.Ya. Kozachek, A.V. Korzhavin, V.A. Medvedev i dr. M., 1982. 453 s.

29. GADO. F. R-326, op.1, d.131, L.4.
30. GADO. F. R-326, op.1, d.131, L.10.
31. Sotsialisticheskii Donbass, № 21, 27.01.1936, s.4.
32. GADO. F. R-1064, op.1, d.18, L.20.
33. GADO. F. R-326, op.1, d.459, L.24.
34. GADO. F. R-1064, op.1, d.58, L. 78.
35. GADO. F. R-1064, op.1, d.52, L.1.
36. GADO. F. R-1064, op.1, d.52, L.13.
37. Sotsialisticheskii Donbass, 1936. № 212, 14 sent.
38. Sotsialisticheskii Donbass, 1936. №126, 3 iyunya.
39. Sotsialisticheskii Donbass, 1936. № 21, 27 yanv.
40. GADO. F. R-1064, op.1, d.84, L.28.
41. Sotsialisticheskii Donbass, 1936. № 56, 9 marta.
42. Sotsialisticheskii Donbass, 1939. № 101, 7 maya.
43. GADO. F. R-326, op.1, d.1529, L.10.
44. Sotsialisticheskii Donbass, 1936. № 212, 14 sent.
45. Sotsialisticheskii Donbass, 1936. № 207, 8 sent.
46. Sotsialisticheskii Donbass, 1936. № 213, 15 sent.
47. Sotsialisticheskii Donbass, 1936. № 211, 12 sent.
48. Sotsialisticheskii Donbass, 1939. № 229, 28 sent.
49. Sotsialisticheskii Donbass, 1939. № 238, 27 okt.
50. Sotsialisticheskii Donbass, 1939. № 237, 26 okt.
51. Sotsialisticheskii Donbass, 1939. №31, 8 fevr.
52. Sotsialisticheskii Donbass, 1939. № 115, 23 maya.
53. Sotsialisticheskii Donbass, 1938. № 247, 24 okt.
54. Sotsialisticheskii Donbass, 1939. № 229, 28 sent.

УДК 94:797.5 (47=57) «19»

Становление и развитие системы местной противовоздушной обороны советского образца в период межвоенных пятилеток: на материалах Донбасса

Эльмира Бахрамовна Алиева

Донецкий национальный университет, Украина
E-mail: alievaol@mail.ru

Аннотация. В данной статье автором сделана попытка рассмотреть процесс становления и развития системы местной противовоздушной и противохимической обороны и основных формирующих ее составляющих: нормативно-правовых актов, постановлений партийных органов и механизмов воплощения их в жизнь местными органами власти. Особое внимание уделяется правовой основе и мерам популяризации гражданской обороны среди населения государства, формировали МПВО в период межвоенных пятилеток. В итоге, автор приходит к следующим выводам: в течение всего исследуемого периода государство шаг за шагом формировало систему МПВО такой степени эффективности, чтобы в случае реальной военной угрозы гражданское население смогло оперативно организовать не только собственную защиту, но и защиту местных предприятий стратегического значения. Благодаря принятым мерам к моменту начала Великой Отечественной войны множество граждан овладели основными навыками защиты от авиационных и химических атак. Следствием реформ в системе гражданской обороны стала общая военизация населения страны.

Ключевые слова: оборонно-массовая работа; местная противовоздушная оборона; значок «Готов к воздушно-химической обороне»; Общество содействия обороне; химическому и авиационному строительству; Союз обществ Красного Креста и Красного Полумесяца.

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
 Voennyi Sbornik
 Has been issued since 1858.
 ISSN: 2309-6322
 Vol. 6, No. 4, pp. 253-256, 2014

DOI: 10.13187/issn.2309-6322
www.ejournal6.com



UDC 94

From the Life of Mountain Riflemen (The Experience of World War II)

Andrey A. Vagin

Veterans` Society of the Great Patriotic War, Russian Federation

Abstract

This work provides the reminiscences of alumnus of the 265th Infantry Mountain Regiment of the 20th Infantry Mountain Division Andrey Aleksandrovich Vagin. The reminiscences recount the events that took place in 1942–1943 around the Main Caucasus Range in the area of the Fisht-Oshten Massif, the Lagonaki Plateau, Mount Mezmay, etc. and are related to the combat activity of the units of the 20th Infantry Mountain Division of the Workers' and Peasants' Red Army. The author devotes attention to little-known episodes from the life of Soviet mountain riflemen, their everyday and leisure activities.

Keywords: mountain riflemen; 20th Infantry Mountain Division; World War II; reminiscences.

До Гузеришля* немцы не дошли 1 км, там был бой, в ходе которого старший лейтенант Андрей Андреевич Андреев погиб. Там же произошел один печальный случай. Директор государственного заповедника забрал свой скарб и на лошадях отправился бежать на Сочи, а у солдат был приказ командира догнать и забрать лошадей для выючных караванов. Догнали, а с ним полковник НКВД и они не отдают лошадей, но для солдата приказ важнее. На абаге произошла потасовка полковник выхватив пистолет, застрелил сержанта, а солдат расстрелял полковника и директора. Трупы столкнули в яму, а лошадей забрали.

Войска укрепились на перевале, туда провели проволочную связь. Немцы на Белореченский шли с Хамышков и Темнолесской. Бои на М. Лабе в районе ручья Чистый были большие. На Уруштене наши войска отступили до Холодного лагеря и здесь закрепились. Там есть захоронения. Мы эти трупы убирали на лошадях веревку с петлей на ногу погибшего и оттащивали подальше от тропы, а там забрасывали камнями и ветками. Кстати после боя всех немецких раненых солдат добивали, на перевале с ними делать нечего, а немцы наших добивали. Вот такая была война.

На Белореченском направлении от горы Мезмай в 15 км есть Чертовы ворота, там была наша передавая (первая линия оборона), дальше вторая линия обороны и еще дальше третья оборонительная линия. Немцы пробовали взять первую линию штурмом, но не получилось, и высадили воздушный десант между 1-й и 2-й линиями на Плато Лагонаки (десантный батальон в 300 человек) его быстро прижали к скале в районе Фишт-Оштенского

* Поселок Гузеришль расположен в горно-лесной зоне на левом берегу реки Белая в 76 км от города Майкопа. Гузеришль является последним населённым пунктом в долине реки Белая перед незаселёнными территориями Кавказского заповедника – Ред. ВС.

перевала и в ходе трех дневных боев перебили всех (начало – середина сентября). Немцы изменили направление удара, и пошли от Белореченского перевала на Лазаревскую, но их и там встретили наши. Были и другие случаи.

Снаряжение немецкого солдата на перевалах было традиционным: винтовка (Рис. 1.)^{*} и ранец. Ни какого альпийского снаряжения я не видел. Мы забирали с трупов только часы и зажигалку, а трупов я таскал много до 300 человек. Немецкие трупы бросали с обрыва и прикрывали ветками или камнями. Потом зверье растаскивало останки по всем окрестностям. наших хоронили в вырытых на один метр ямах, но и их потом медведь вытаскивал.



Рис. 1. Снайперская винтовка Zf. Kar. 98k (Германия)

Большим бедствием для наших частей были туманы, немцы часто подходили, чуть ли не в упор именно под прикрытием туманов.

Наши снайперы были вооружены винтовками СВТ (Рис. 2.), у немцев тоже были снайперы. Их было очень много, так как снайперы садились на скалы, хребты, деревья.



Рис. 2. Снайперская винтовка СВТ-40 (СССР)

Если говорить об экипировке и подготовке горнострелковой дивизии, то 20-я гсд не была экипирована горным снаряжением и подготовлена не была, во время тотальной мобилизации призвали просто всех подряд. И уже потом каждый приобретал собственный опыт уже на месте, в горах.

Продовольственное обеспечение на перевалах сначала было хорошим. До немецкого наступления были подвезены галеты, изготовленные в 1938–1939 гг., помимо этого было стуженное молоко и мясные консервы. Когда продовольствие закончилось, и питание стало носить не регулярный характер, я стал водить караван из 10 лошадей на охоту. В то время оленей и туров было очень много и на Псеашхе, и на Аишхо, добудешь 3-4 зверя и 300 кг мяса есть. В снежнике выбивали яму, и мясо как в холодильник клали в нее. За этим мясом потом из разных полков народ приходил. А уж особенно рады свежему мясу были азербайджанцы, которые от свинины, да еще и в консервах категорически отказывались. Лучшее всего части снабжались спиртом, его доставляли в резиновых мешках. Спирт и водка всегда были качественными.

^{*} В качестве винтовки использовался карабин Маузер К98. Карабин горных стрелков часто снабжался оптическим прицелом – Ред. ВС.

Со спиртом у меня связан один курьезный случай. В августе 1942 г. мы ночью освободили от немцев станицу Нижегородскую. Врываемся, а там, на узкоколейной дороге стоят три цистерны с большими замками сверху. Ну, ребята у нас находчивые один подошел и выстрелил с противотанкового ружья в одну цистерну. Из образовавшегося отверстия потекла солярка в отверстие, тут же забили деревянный чопик. Выстрелил во вторую цистерну, а там спирт. Ну, солдаты набежали что делать, а вдруг, отравлен. Тут один украинец говорит: «Ребят давай я выпью, а вы посмотрите, помру, так помру». Ну ему налили... Через 10 минут народ рванул с ведрами и котелками. Короче пока начальство разобралось и выставило к цистернам часовых, весь полк был пьяный. Вот там у меня был первый опыт пить спирт. Солдаты налили мне котелок, я как хлебнул, так и задохнулся от жара, бросил котелок.

В продовольственное обеспечение входила и махорка «Лубанская» произведенная еще до войны на Украине. На перевалах махорку давали, а вот курительную бумагу нет, вот и приходилось использовать или газетными, или книжными, или тетрадными листами. Внизу на побережье курительную бумагу давали.

Все обеспечение для передовых частей в основном осуществлялось выючными караванами (другой способ был менее надежным – это доставка по воздуху, то погода плохая, то выбросят обеспечение не туда). Водить караваны было крайне опасно, так как постоянно следовало ожидать засаду. Поэтому накануне выхода я выходил по маршруту один, взяв с собой бинокль, смотрел на горы, вглядывался в следы обуви на тропе и нюхал запахи. Часто ходя с отцом на охоту, я знал, с какой стороны лучше залечь или подходить. Поэтому в местах возможной засады я останавливался, маскировался и ждал (час-полтора). Ветер обязательно должен был донести либо запах сигарет, либо еще более сильный запах одеколона, который егеря постоянно наносили на себя.

Из национальных меньшинств в дивизии были и азербайджанцы, и армяне, и грузины, и осетины. Очень хорошо воевали осетины, на них не когда не было нареканий, остальные воевали по-разному. Кстати и у немцев не все союзники воевали хорошо. Помню в районе Чертовых ворот у Плато Лагонаки, произошел такой случай. Вечер, темнеет, мы готовим еду на кострах, а неподалеку немцы готовят еду на кострах. И вот чтобы посмеяться немцы кричат: «Рус, давай менять ялдаша на румына». Ялдаша – то есть азербайджанца. Видать румыны плохо воевали.

Карты в дивизии были 10 000, однако их было очень мало. Поэтому офицеры, как правило, через копирку перерисовывали карту и с ними ходили.

Незатейлив был наш досуг. У убитых немцев часто были губные гармошки, вот на них некоторые наши и играли, после того как предварительно тщательно их помоют. Были у солдат дивизии и игральные карты.

В рамках политической подготовки работали замполиты. Политические беседы не отличались длительностью. Как правило, замполит обращался к коммунистам и вдохновлял остальных бойцов примером коммунистов. Примеры для подражания были.

7 ноября нашу часть построили, и замполит поздравил с очередной годовщиной Октябрьской революции.

В рамках психологической войны немцы во время своего наступления сбрасывали листовки, содержание которых было направлено на воспевание немецкой армии и обязательно призывом советским солдатам сдаваться. При этом в листовке подчеркивалось, что сопротивление бессмысленно, а немцы за службу в Красной армии наказывать не будут.

Другим психологическим воздействием было сбрасывание с истребителей-бомбардировщиков Me-109 пустых пробитых металлических бочек. Во время полета над нашими подразделениями немецкие летчики сбрасывали их, свист стоял страшный.

Кстати, как-то следуя с караваном на перевал, мы не заметили немецкий Me-109*. Мы обернулись и залегли в последний момент, и увидели как немецкий летчик, сидевший в кабине и пролетавший буквально над нашими головами, пригрозил нам кулаком.

* Мессершмитт Bf.109 (нем. *Messerschmitt Bf.109*, традиционное для СССР написание Me-109) – одномоторный поршневым истребитель. Являлся основным истребителем люфтваффе на протяжении всей Второй мировой войны.

Наши самолеты Р-5 (кукурузники) доставляли экипировку, боепитание и снаряжение, а немецкие Мейссера гоняли наши самолеты страшно. Один Р-5 упал за Ачишхо, другой – на реке Белой, были и еще, а немецкий бомбардировщик врезался в гору хребта Оболго за Чугушом. Бомбардировщик лежит до сих пор. Там же лежат три немецкие 250-кг бомбы. В 1943 г. я стрелял по ним из карабина бронебойной пулей, но они не взорвались.

Воспоминания записаны 9 декабря 2006 г.*

УДК 94

Из жизни горных стрелков (опыт Второй мировой войны)

Андрей Александрович Вагин

Общество ветеранов Великой Отечественной войны, Российская Федерация

Аннотация. Представлены воспоминания воспитанника 265-го горнострелкового полка 20-й горнострелковой дивизии Вагина Андрея Александровича. В воспоминаниях описываются события 1942-1943 гг. на Главном Кавказском хребте в районе Фишт-Оштенского массива, Плато Лагонаки, горы Мезмай и др., связанные с боевой деятельностью частей 20-й горнострелковой дивизии Рабоче-крестьянской Красной армии. Уделено внимание малоизвестным эпизодам из жизни советских горных стрелков, их повседневности и досугу.

Ключевые слова: горные стрелки; 20-я горнострелковая дивизия; Вторая мировая война; воспоминания.

* Из интервью с А.А. Вагиным от 9.12.2006 г. // Личный архив А.А. Черкасова.